

ЯСМИНА САПФИР

КАПЛЯ КРОВИ И
МОРЕ ЛЮБВИ

Ясмина Сапфир

Капля крови и море любви

«Автор»

2018

Сапфир Я.

Капля крови и море любви / Я. Сапфир — «Автор», 2018

Однажды Олейса заболевает сильным гриппом, вызывает врача и медбрат признает в ней нечеловека, индиго. Возвращается и выбрасывает Олейсу в другой мир, взамен себя самого. Уверяет, что все ради ребенка, жены, которые любят и ждут его на Земле. Но... Олейса узнает совсем другую историю, учится выживать рядом с волшебными расами, оплачивать покупки золотистыми полосками на руке и раскрывать мировые заговоры. И находит любовь, о которой и не мечтала.

© Сапфир Я., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ясмина Сапфир

Капля крови и море любви

Глава 1

Озноб был такой, что зуб на зуб не попадал, горло ужасно саднило. Я закуталась в плед и отвечала на вопросы врача лениво и безразлично. Слишком устала. Грипп, будь он неладен! Молодой, круглощекий медбрат сосредоточенно переписывал данные из паспорта, почти не слушая про мою тошноту, температуру и прочие неприятности.

От медбригады пахло свежестью, летней улицей, куда я еще не скоро попаду с таким-то гриппом.

Врач закончил писать в моей карточке, ткнул пальцем в обложку и кивнул медбрата. Парень покосился туда и странно улыбнулся. Метнул на меня внимательный, заинтересованный зеленый взгляд, снова уткнулся в паспорт и опять поднял глаза.

– Простите, Олейса, а сколько вам полных лет? – приподняв брови, уточнил он.

– Сорок семь, – пробормотала я, поневоле скусившись.

Ох уж мне эти медики! В последние двадцать лет несоответствие моего календарного возраста, внешности и результатов обследований неизменно вызывали у них живой интерес. Каждый изумлялся тем, какой молодой у меня организм, как хорошо выгляжу – не старше тридцати лет.

Не скрою, иногда это даже льстило, ласкало женское самолюбие. Ну как же? Все ровесницы уже дамы в возрасте, а меня все еще называют девушкой, принимают за молодую. Но вот сегодня неприкрытое удивление медбрата вызывало лишь раздражение.

Я тут зубами стучу, кутаюсь в плед при температуре в квартире под двадцать семь градусов, а он о своем, о больном...

Медбрат, кажется, не заметил моей реакции, мазнул по врачу понимающим взглядом, получил такой же, и начались бессмысленные расспросы. Да, если верить обследованию, я все еще могу родить ребенка. Да, вот мое МРТ с костями тридцатилетней. Да, у меня хорошее зрение, а слух такой, что соседи с девятого этажа мешают заснуть, затеяв ночную помывку посуды.

Когда в моем голосе прорезалось рычание, а в словах зазвучала откровенная издевка, медбригада наконец-то остановилась. Врач дал мне очередную чудопилюлю от вируса, продал остаток пачки, объяснил, как принимать и уехал.

Я закрыла дверь, легла в кровать и почти отключилась, когда звонок заиграл веселенькую песню: «Капитан, капитан, улыбнитесь...»

Улыбаться мне хотелось еще меньше, чем безнадежно влюбленному моряку – герою песни, скорее уж кого-нибудь убить. Наградив незваного гостя парой хлестких эпитетов, я заставила себя встать, торопливо закуталась в плед и доковыляла до двери. Включила видеоглазок и не сдержала удивленный возглас.

Вот это номер! Круглощекий медбрат в своей джинсовой куртке и потертых джинсах мялся возле двери и хитровато улыбался в камеру.

Я посильнее закуталась и впустила парня. Его улыбка расширилась.

– Послушайте, – вдруг зачастил медбрат. – У меня к вам предложение. Оно покажется диким, глупым, и даже розыгрышем... – он умолк, посмотрел странным взглядом – изучающим, пронзительным и каким-то нездешним. На долю секунды зеленые глаза парня будто бы сверкнули внутренним пламенем – ярко-оранжевым, нереальным.

Я трянула головой. Неужели температура так подскочила, что начались галлюцинации? Я невольно приложила ладонь ко лбу и чуть не вскрикнула. Только что он горел, а сейчас, вдруг безо всяких жаропонижающих, стал ледяным. Исчезла испарина, зубы прекратили отбивать бешеный ритм.

В плече вдруг стало невыносимо жарко.

Я отступила назад, не веря происходящему. А может я все-таки уснула? Может, брежу? Лекарства не сработали – и вот вам, пожалуйста, галлюцинации хорошо прожаренного в собственном соку мозга?

Медбрат сверкнул глазами еще раз – они отчетливо полыхнули алым и погасли.

– Индиго... вас очень мало. И только вы можете переселяться в другие миры, а еще... еще некоторые оборотни, – он заговорил странно – медленно, выдерживая какой-то непонятный ритм. А я слушала. Ничего не понимала, но, как загипнотизированная, внимала каждому слову и почему-то кивала.

– Я поселился тут, временно. Полюбил. У меня тут семья. И мне нужно, чтобы кто-то занял мое место.

– В-ваше место? – я отступила еще, но пол странно закачался под ногами. Я даже не пошатнулась, будто зависла в пространстве, удерживаемая неведомыми силами.

– Нельзя просто так уйти из одного мира нашей Вселенной в другой, – голос медбрата звучал гулко, протяжно и словно издалека. Хотя он стоял в паре шагов от меня, буравя внимательным, снова зеленым взглядом.

– Все во Вселенной имеет свои законы. Где-то там, на перекрестках миров, они иные. Но из мира в мир можно ходить, лишь обмениваясь с кем-то местом жительства, если можно так выразиться. Это как обмен квартирами, для вас, землян. А вы, Олейса... вы идеальная кандидатура.

– Я-я? – слова застревали в пересохшем горле. В воздухе пахло грозой, квартира раскачивалась, как лодка в штормовом океане. Стены, пол, потолок ходили ходуном. И только я стояла как вкопанная, не в силах пошевелиться, ответить. Казалось, на меня наложили странные чары, пригвоздили к пространству, к воздуху, как бы нелепо ни прозвучало.

– Вы, – выдохнул парень. – У вас очень мощная аура. Вы индиго и вы... одиноки.

– Да что вы такое говорите?! – вспыхнула я, но крик получился тихим-тихим, едва слышимым. – У меня муж, дочка!

– Ваш муж почти индиго. Обойдется и без вас. Вы ведь уже много лет живете просто как соседи, без любви и понимания. А дочка... дочка давно замужем и живет своей семьей. У вас нет якоря. А у меня любовь, новая жизнь и... скоро родится ребенок. Я не могу его бросить... Прости... те...

Пространство вокруг преобразилось, превратилось в белое ничто – вязкое, густое оно вздрагивало, и время от времени шло крупной рябью.

Пульс взвился до невиданных высот, кулаки непроизвольно сжались. Еще недавно я воспринимала происходящее как дурной сон, обманку затуманенного сознания. Но внезапно возникло ощущение, что все реально. Также реально, как и моя прежняя жизнь, без магии, без чужих миров и без этого молочного марева вокруг.

Как я сразу не поняла? Это же туман! Он за клубился, взвился ввысь, словно поднятый ураганным ветром. Я зачем-то зажмурилась – так сильно, что веки заныли.

В лицо пахло теплом и летом, сладостью цветочного нектара и свежестью утренней росы. Голова закружилась, колени подогнулись.

Я рухнула на траву – густую, колючую, влажную.

И будто бы из ниоткуда, из прошлой жизни донесся голос медбрата:

– Помните! Выжить сможете только, если в течение недели обменяетесь кровью или энергией с местными!

Меня пронзила боль – прошила сотнями игл, обожгла десятками раскаленных прутів, дернула и отпустила.

Я открыла глаза и ахнула.

Вокруг, насколько хватало глаз, простиралось поле. Колосились травы, вздрагивали под легким ветром головки цветов, стрекотали жуки и трещали кузнечики. Над головой висело совершенно не земное, ярко-изумрудное небо. Пушистыми перинами величаво плыли по нему белые облака. Птицы пронзали их стрелами, падали куда-то в поле, и взмывали ввысь с добычей в клюве.

Я присела на плед, и оцепенела.

В голове билась одна лишь мысль. Я больше не дома. Я больше не дома. Я больше не дома.

Внезапно меня накрыла паника, даже дышать стало трудно. Бешеный пульс забарабанил в ушах что-то вроде тяжелого рока.

Куда бежать? Что делать?

Вокруг не было ни души. А мне, если верить медбрату, срочно требовалось обменяться с кем-то кровью или энергией... Иначе смерть. Но с кем?

Я встала и огляделась еще раз.

Вдалеке огибал поле густой хвойный лес. Справа рассекала зеленое море трав и цветов широкая лента бурной реки.

За ней, вплоть до самого горизонта снова колосилось поле.

И только слева серела неестественно ровная полоса дороги. Скорее всего, проезжей. Никакого транспорта видно не было. Но судя по брусчатке, по земляным накатам по сторонам, дорогу строили разумные существа. Что ж... раз это единственный их след, стоит направиться туда.

Что интересно, у меня и мысли не возникало, что неведомые существа опасны. Кожей чувствовала – все, рассказанное медбратом о здешнем мире, его волшебных обитателях – чистая правда. Как пить дать – встреча с обычными людьми мне не грозит. Никаких магических способностей я в себе не ощущала. Разве что где-то глубоко шевелились странные, противоречивые, словно неродные эмоции.

Или так подействовал переход из мира в мир?

Мда! Еще пару часов назад я сказала бы, что это невозможно.

Я свернула плед в рулон и побрела через все поле, к дороге.

Идти по высокой, кустистой траве оказалось нелегко. Усиленно поднимая ноги, я порадовалась, что встречала медбрата в любимых домашних угах – темно-коричневых, с мехом внутри. Иначе острые стебли давно расцарапали бы стопы.

Представляю, какое зрелище ждет первого встречного в этом мире.

Женщина, с копной всклокоченных красно-рыжих волос, нечесаных нормально дня два – столько я проболела, в белой пижаме в мелкий красный цветочек и угах. Мда. Городская сумасшедшая, ни больше, ни меньше.

Вот только города нет. Впрочем, переодеться мне не во что, предпринять ничего не могу. Значит, остается лишь надеяться, что вначале меня расспросят, а уже потом отвезут в соответствующее медучреждение.

Я невесело усмехнулась и ускорила шаг.

Ну что ж... Высшие силы любят играть с нами, внизу в им одним понятные игры. Я так мечтала выйти на улицу – в лето, в тепло, на солнце. Прогуляться по свежему воздуху.

Вот, чувствую, нагуляюсь... по самое не хочу.

Я прибавила шагу – еще и еще, пока не увидела впереди невысокий фонтанчик воды. Он бил прямо из травы, словно по волшебству.

Ну, вот и начинаются невероятные приключения женщины, которая потеряла все, чем дорожила. Но я «выплыву», выкарабкаюсь, зубами и когтями буду хвататься за жизнь, чтобы снова увидеть семью. И я ее увижу! Вопреки всему, даже злему року!

Та-ак. Я осторожно приблизилась к фонтанчику и обнаружила, что это нечто вроде ключа. Вода выстреливала из-под земли под большим напором, брызги разлетались веером, крупными каплями оседая на былинках и цветах. Тонкие струйки растекались по влажной земле и исчезали в густых порослях.

От фонтанчика веяло прохладой, пахло сладковатой свежестью.

Я наклонилась, и воздух наполнился густым, теплым паром. Неожиданно.

Передо мной выросла полупрозрачная стена, начала двигаться, рваться, меняться.

Минуты не прошло, как она превратилась в зеркало – немного туманное, но все же зеркало. Показала мне растерянное лицо девушки лет 29, с большими глазами, которыми я всегда гордилась, а мужчины – восхищались, аккуратным носом и губами. Я никогда не была идеальной красавицей, но меня замечали, обхаживали, приглашали на свидания. Как же я забыла, что все еще молода и красива?

От этой мысли на душе стало тошно. Неужели неудачный брак, работа на дому, в интернете, отняли то единственное преимущество перед ровесницами, на которое расщедрилась природа?

Я судорожно сглотнула, и вдруг, за моей спиной, в зеркале появился мужчина.

Таких я в последнее время только на картинках и видела. Платиновые волосы, собранные в низкий хвост, контрастировали со смуглым цветом кожи. Но румянца у незнакомца не было. Светло-голубые, какие-то удивительно чистые глаза смотрели с интересом. Крепкая фигура, обтянутая темно-синей толстовкой и джинсами, так и кричала о том, что незнакомец занимался физкультурой.

Я смотрела на него, а он на меня, и взгляд мужчины стремительно менялся.

То ледяной, колючий, то теплый, почти ласковый, то потрясенный, он, казалось, демонстрировал всю гамму эмоций. Я отшатнулась от зеркала, и оно развеялось, как дым. Боже! Что это? Видения?

Я по-прежнему стояла совершенно одна, посреди бескрайнего зеленого моря, а под ногами бил невысокий фонтанчик.

Я тряхнула головой, осторожно обошла странный ключ и двинулась в прежнем направлении.

Машин на дороге не появилось, и вблизи стало очевидным, что брусчатка изрядно потрескалась, некоторые камни и вовсе выпали, другие раскрошились. Похоже, дорогой давно не пользовались, оттого и не чинили ее.

Ох... Что ж. В любом случае, она приведет меня куда-то... Очень надеюсь, не к заброшенному городу-призраку.

Я вздохнула, пожалала плечами и двинулась вдоль брусчатки, против солнца. Почему именно так? Не знаю. То ли подсказала интуиция, то ли просто неприятно было идти и шуриться из-за слепящих лучей.

Паниковать буду позже, если до вечера не набреду на кого-нибудь живого и желательно разумного.

Солнце нещадно светило в спину, нагревая пиджаму. Становилось все жарче и жарче. Ужасно хотелось раздеться, поменять фланелевую двойку на что-то легкое, свободное. Но где же его возьмешь, в поле-то?

Все сильнее пахло пряностями – скорее сладковатыми, чем острыми.

Хорошо, что я почти не потею, не то шла бы, обливаясь ручьями, липкая и противная.

Спасибо медбрату.

Что он там говорил? У него жена и дети? Вернется сюда и потеряет новую семью?

Ох... Как же все это похоже на полуправду.

Зачем существу из волшебного мира переселяться в наш, обычный? Да еще с риском для жизни? Наверняка, правило обмена кровью и энергией действовало и на него тоже. Нет! Что-то здесь не так!

Дорога упиралась в горизонт – ровная, как стрела, но словно ведущая в никуда.

Слава богу, грипп исчез как по мановению волшебной палочки. Осталась лишь общая усталость, да голова ужасно зудела – из-за высокой температуры я вовремя не помыла волосы.

Испарина на лбу все же выступила. Я стряхнула ее рукой и прибавила шагу, не переставая озираться. А вдруг где-то промелькнет хоть малейший намек на цивилизацию?

Пока вокруг мелькали только громадные красные и желтые бабочки, стрекозы и птицы. Где-то в высокой траве шуршали зверьки. Я словно угодила в мир девственной природы, где нет ни единого разумного существа.

Но они же были! Кто-то же построил эту дорогу, вымостил ее ровными шестиугольниками серых булыжников, камни подобрал – один к одному по цвету. А может они вымерли? Постапокалиптический мир?

Я тряхнула головой. Меньше надо фантастики читать! Может тогда и не угодила бы в эту передрыгу. Хотя, что-то подсказывало – не в чтении дело. Медбрат просто решил свою проблему первым же подвернувшимся способом. Повезло.

Я так задумалась, что споткнулась о щербинку в брусчатке, полетела вперед и... будто увязла в невидимой преграде из очень плотной, липкой субстанции.

Я дернулась назад, пытаясь выбраться, но вместо этого начала продвигаться вперед. Словно нечто незримое толкало в спину, заставляя шаг за шагом преодолевать неведомое препятствие.

Несколько резких толчков, рывок и... я очутилась посреди ночного города.

Поспешно оглянулась – ни стены, ни поля, ни брусчатки. Лишь мегаполис – обычный и необычный одновременно.

В лицо пахло жареной картошкой, креветками и чем-то еще, очень вкусным. Желудок недовольно сжался и заурчал.

Над головой ярко сияли жемчужины фонарей. Словно звезды, только гораздо ближе.

Пестрые витрины и окна раскрашивали ночные сумерки причудливыми узорами из цвета и света.

Дома походили на наши небоскребы – то ли восьми, то ли шестигранные, словно выточенные из цельного куска громадного камня. Сотни, тысячи гигантских утесов, превращенных в жилища. Ничего себе!

Порода напоминала малахит, бирюзу и нефрит. Я осторожно коснулась ближайшего здания. Ну, надо же! Теплое! Все чудесатее и чудесатее!

Я почувствовала себя Алисой в Зазеркалье.

Вместо асфальта под ногами простиралась мостовая, выложенная все теми же зелеными и голубыми камнями.

Вокруг сновали существа... Я сказала бы – люди, но что-то в них было не так.

Некоторые выглядели уж слишком красивыми и бледными, с немного заостренными ушами, но не настолько, чтобы ассоциироваться с эльфами. Другие казались бодибилдерами, третьи – манекенщиками. Обычные пешеходы попадались тоже – неидеально сложенные, невзрачные, неприметные. И вот эта дикая смесь существ сновала по улицам, не обращая на меня ни малейшего внимания. Будто тут каждый день расхаживали женщины из другого мира в пижаме и уггах.

Меня то и дело обдавало приторными, кисловатыми запахами духов, свежими – мужского парфюма, и, конечно же, запахом пота. Как же без него, родимого!

Что ж! Мне нужно куда-то пойти, с кем-то познакомиться. Осталось понять – куда и с кем и все встанет на свои места.

Сердце почему-то выдало тревожный удар, больно екнуло. Даже странно... Всю прежнюю дорогу я проделала в каком-то чувственном ступоре. Изредка наружу пробивались слабые отголоски нервозности, паники, страха. Но тут же затухали, как засыпанные песком угли. В опасной, стрессовой ситуации я всегда собиралась. Эмоции сами собой уходили на второй план, какими бы отчаянными и мощными они ни были.

Вдруг, словно ответом на мои слова нахлынули чувства, порывы, ощущения, начали рвать на части, пронзать до дрожи в ногах. Такого бешеного коктейля эмоций я еще не испытывала!

Ненависть, зависть, злоба смешивались с радостью, восторгом, вдохновением. Следом приходило спокойствие, равнодушие. Какие-то холодные, словно испытывал их не человек, а некто очень рассудительный, малоэмоциональный. По большей части... Потому что временами это самое ледяное спокойствие взрывалось сумасшедшими вспышками ярости, желаний, страстей.

У меня закружилась голова, брусчатка под ногами задергалась, словно я стояла на качелях, и аттракцион стремительно набирал обороты. Небо зашаталось, город закачался следом. Здания так и норовили толкнуть каменным боком, фонари – пнуть тонким металлическим столбом.

Я пошатнулась, оперлась о ближайший небоскреб, зачем-то побрела, держась за стену и тряся головой, не в силах избавиться от наваждения.

Шаг, второй, третий. Я сосредоточилась на движении. Куда – неважно, зачем – неважно, главное не останавливаться.

Метр, другой, третий – и... тишина, спокойствие, ступор.

Эмоции схлынули также резко, как накатили. Я огляделась по сторонам, пытаюсь прийти в чувство.

Прямо передо мной сияла белая вывеска: «Капля крови и море любви».

Ого! Интересное заявление. Морковного цвета буквы говорили сами за себя, от каждой согласной спускались небольшие потеки.

Дверь под вывеской выглядела не менее интересно, чем название заведения.

Крепкая, деревянная, с ручкой в виде головы причудливого зверя, похожего то ли на дракона, то ли на чешуйчатого волка с крыльями, она словно прибыла из далекого прошлого. Я так и представила эту дверь у входа в старинный замок, а рядом – дворецкого в строгой, элегантной униформе.

Но ни замка, ни дворецкого не было и в помине.

Передо мной устремлялся ввысь бирюзовый небоскреб и словно мерцал изнутри. Он то вспыхивал, то погасал, то недолго мигал, как испорченная люстра. Занятно.

И вот не успела я так подумать, как дверь распахнулась, едва не ударив по лбу. Мда! Всегда пыталась взять себе за правило останавливаться поодаль от дверей. И на тебе! В новом мире инстинкт самосохранения взял бессрочный отпуск, и, кажется, прихватил благоразумие. Наверное, за компанию.

Или так сказались на мне прогулка в пижаме, смена солнечного дня на глубокую ночь, поля – на неведомый город?

Особенно долго рассуждать не пришлось. Из дверей вырвался странный запах железа вперемежку с запахом молока и соленой выпечки. А следом, прямо на меня вывалился детина.

Высокий, очень смуглый, с ершиком черных волос, квадратным лицом и крупными, мясистыми чертами он остановился у входа и принялся беспардонно меня разглядывать. Без удивления, скорее с интересом.

Несколько раз взгляд его останавливался на груди, и я внутренне порадовалась, что надела белье. Сама не знаю, зачем мне это понадобилось к визиту врача. Дома-то всегда ходила без бюстгалтера.

Черный взгляд верзилы словно прилип к груди и медленно, неумолимо просачивался сквозь пижаму. Густые, тяжелые брови незнакомца чуть приподнялись, уголки грубо высеченных губ дернулись вверх.

Что-то в этом мужчине казалось мне очень странным. Нет, не что-то – многое. Бледное лицо, словно обескровленное, особенно на фоне темно-серой футболки, глаза, сверкающие как-то по-особенному, чуть заостренные уши и запах... От незнакомца разило железом, солью и совершенно не пахло потом. На жаре, градусов под тридцать, он не потел вовсе, не смотря на то, что и футболка и угольные джинсы мордворота были пошиты из плотной ткани. А еще... еще от него тянуло холодом, как из форточки в зимнюю стужу.

Верзила продолжал на меня пялиться – как-то очень подозрительно, словно планировал съесть с потрохами и косточками. Я совершенно растерялась, не знала что предпринять – убежать или остаться. Но в эту минуту из дверей неспешно вышел еще один мужчина – такой же непонятный, как и первый.

Светло-рыжий, веснучатый он выглядел еще более нездорово-бледным, даже с серым оттенком. Темно-зеленые глаза изучали меня так, как богатей изучает кольца в ювелирном магазине – придирчиво, с заметным снобизмом.

Черная джинсовая рубашка рыжего была расстегнута на почти безволосой груди, открывая жилистое, крепкое тело. Черные джинсы висели на мускулистых бедрах.

Второй встречный в новом мире не выглядел таким же человеком-горой, как и первый. Но пах очень похоже – солью, железом и совершенно не пах человеческим телом.

Теперь мужчины изучали меня уже вдвоем. Только черноволосый пялился на грудь и бедра, а рыжий почти осязаемо ощупывал взглядом лицо, плечи, шею и вдруг устался куда-то, за моей спиной. Словно увидел там что-то, о чем я и не подозревала.

Сердце забилося чаще. Неожиданно нахлынула паника, горло будто стянуло петлей. Боже! Что я тут делаю? Почему они так смотрят? Увижу когда-нибудь ли тех, кем дорожу больше всего на свете? Или сгину тут, без вести, без надежды на спасение...

Я судорожно огляделась, будто искала помощи.

Прохожие сновали мимо, не обращая на нашу пантомиму у дверей никакого внимания.

Две очень яркие, изящные девушки, с ногами от ушей и глазами испуганной газели покоились на нас, ухмыльнулись и устремились дальше.

Крупный мужчина, даже мощнее черноволосого, мазнул по нам заинтересованным взглядом. Притормозил, и на долю секунды я надеялась – он подойдет, спросит хоть что-то. Да просто поздоровается, нарушит тягостное молчание... А может, чем черт не шутит – уведет куда подальше?

Незнакомец внушал гораздо больше симпатии, доверия, чем парочка у дверей. Простые, грубоватые черты смуглого лица его очень украшал здоровый румянец, в глазах не таился загадочный блеск, уши выглядели нормально.

Незнакомец слегка наклонил голову, поправил рукой длинные каштановые кудри и подмигнул мне, словно успокаивал.

Мда. Как тут все странно-то!

Высокая, худощавая женщина, похожая на обычную серую мышку, человека, метнула в меня непонятный, встревоженный взгляд, и поддернула за руки спутниц. Полная, но не бесформенная брюнетка с аккуратным черным каре засеменила следом за ней, звонко цокая шпильками ярко-алых туфель. Стройная перекисная блондинка, напротив, чуть задержалась, поизучала нашу троицу повнимательней, но все же отвернулась и двинулась дальше.

А я неожиданно для себя поняла – что еще так сильно удивляло в этом городе!

Начнем с того, что здесь почти не было ни деревьев, ни клумб. Растения зеленели и цвели в гигантских горшках, прямо на улице и в горшках поменьше, за окнами зданий.

И никаких тебе стройных рядов подстриженных деревьев, косматых дорожек травы вдоль мостовой. Зато вдалеке, за каменным лесом небоскребов, раскинулся пышный парк. Остроконечные стройные хвойные перемежались там с кряжистыми лиственными деревьями и сотнями пестрых клумб с причудливыми цветами.

А еще здесь совсем не было традиционных столбов электропередач. Только черные «ноги» фонарей уносились ввысь, венчаясь десятками больших, округлых светильников.

– Ну что ж! Я так понимаю, вы предпоследняя замена нашим беглецам, – я аж вздрогнула, услышав низкий, бархатистый голос рыжего. Он ухмыльнулся – то ли весело, то ли зло. Не знаю уж, что тут ближе. – Раз вас сюда принесло, значит где-то рядом кровный совместимец. Энергией у нас не обмениваются, это в соседнем мире-кармане. У нас только кровью! Так что... Заходи! Разберемся.

Я была уверена, что говорил рыжий на неизвестном языке – немного каркающем, с короткими, рубленными словами. Но понимала я его без труда, как будто всю жизнь общалась на местном наречье. Еще интересней.

Рыжий изобразил картинно-приглашающий жест. Я пожала плечами, обреченно вздохнула и шагнула в здание. Все равно ничего другого не оставалось.

На долю секунды сердце пропустило удар, а потом заколотилось быстрее, словно предвещало беду.

Но стоило сделать пару шагов от порога, меня окутало какое-то безмятежное спокойствие. Неестественное, словно навязанное извне.

Да! С эмоциями творилось что-то очень неладное.

Разберусь! Где наша не пропадала?

Внутри заведение походило то ли на бар, то ли на стриптиз-клуб.

Музыка гроыхала так, что поджилки тряслись, запах крепкого алкоголя бил в нос, обжигал язык. Так и хотелось закусить, а потом еще выпить рассола – так, для профилактики похмелья.

Приглушенный свет лился отовсюду, словно струился сквозь стены и потолок. Что интересно, внутри здание не мигало, как снаружи.

В огромном зале было многолюдно, но не слишком.

Посетители выглядели также, как и прохожие на улицах. Бледные недоэльфы, «манекенщики», громилы, непременно с косматой гривой длинных волос и простые люди, каких много в моем мире.

Одевались тоже очень по-разному. По сторонам мелькали демократичные футболки и джинсы, ультракороткие сарафаны в обlipочку, дорогие брючные костюмы, вечерние платья «от кутюр», юбки и топики, больше похожие на детали раздельного купальника. Казалось, тут собрались вместе: рабочие с какой-нибудь фабрики, интеллигенты, чиновники, студенты и рафинированные богатеи. Еще чудесатее...

Как я и думала, фурор произвести снова не удалось.

Неподалеку от входа на меня оглянулась стройная, идеально сложенная брюнетка, с черным конским хвостом и кукольным личиком. Слишком идеальным, чтобы казаться красивым, почти безликим. Недолго я отвлекала внимание девушки от спутника, похожего на модель для мужского журнала – белокурого, атлетичного, с удивительно симметричными, мелкими чертами.

Брюнетка отвернулась и вернулась к разговору, слегка пританцовывая в такт барабанам.

Рыжий потянул меня за рукав ледяной пятерней – твердой и крепкой, почти как камень. Он, что еще холоднее меня? Вот это номер! Я сама слегка пониженной для человека темпера-

туры. Нормальная у меня 36,0, а то и чуть ниже. Но по сравнению с рыжим, я казалась себе просто горячей.

Не успела толком удивиться, в спину толкнула другая ледяная рука – черноволосого верзилы.

Я рванула вперед, стараясь избавиться от холода его прикосновений.

Рыжий потянул за руку снова, и я засеменила следом за ним, к барной стойке.

Посетители если и оборачивались в нашу сторону, то также как и прежде, на секунду-другую.

Никого не удивляли мои пижама, угги, грязные, нечесанные волосы и явно нездешний вид. Ну и ладушки.

Разговоры гудели со всех сторон, сливались с музыкой в бешеную какофонию.

У барной стойки рыжий не остановился, лишь слегка притормозил. Приветственно махнул рукой барменше – тоже очень бледной, с заостренными кончиками ушей и волосами цвета спелой ржи. Со своим непропорционально вытянутым лицом, длинным, узким носом девушка выглядела куда привлекательней, я бы сказала, приметней куколок-«манекенщиц».

Мужчины наверняка «облизывались» на ее грудь – большие, красивой формы полушария почти вываливались из черного кожаного лифа. Черные кожаные брюки дополняли образ эдакой помеси гота и рокерши.

Для первой девушке не хватало мрачного макияжа, для второй – десятков металлических украшений и заклепок где только можно и где нельзя.

Барменша кивнула мне – неожиданно ободряюще, улыбнулась и остаток дороги до двери с табличкой «помещения дирекции» я гадала, что же не так с ее улыбкой.

Рыжий открыл дверь и пропустил меня в просторный синий коридор. Внутри оказалось намного темнее, чем в зале, приглушенный свет расчерчивал пол, стены и потолок ровными полосками. Но ни светильников, ни лампочек, ни люстр по-прежнему нигде не обнаружилось.

Запах алкоголя развеялся, остались запахи железа, соли и молока. Хм... Странно.

Черноволосый обогнал нас, рванул вперед широким, почти строевым шагом и устремился к двери, расположенной точно посреди коридора. Распахнул ее прежде, чем мы с рыжим с ним поравнялись, растянул губы в улыбке и жестом пригласил внутрь.

Я вошла и... обомлела.

За письменным столом из черного дерева сидел и что-то читал в компьютере... тот самый мужчина, которого показало мне зеркало из фонтанчика.

Заметив наше вторжение, он с каким-то усталым безразличием мазнул по нам ярко-голубым взглядом, и вдруг сосредоточился на мне.

Какие-то секунды, показавшиеся вечностью, светловолосый незнакомец, не мигая исследовал, мое лицо. Под его взглядом – не здешним, нечеловеческим, я поежилась, сердце сжалось от страха, ледяная волна прокатилась вдоль позвоночника.

Незнакомец небрежным жестом указал на одно из трех массивных кожаных кресел, цвета темной сливы.

Я подошла к нему и села, словно загипнотизированная.

Наши с блондином глаза снова встретились. Казалось, отвести взгляд невозможно, немыслимо. Словно светловолосый удерживал зрительный контакт неведомой силой, чудовищной темной магией.

Вначале меня словно окунули в ледяную прорубь. По телу побежали мурашки, я поежилась, принялась растирать замерзшие пальцы. Затем тело обдало жаром, будто вошла в раскаленную баню. Даже испарина выступила на лбу и часто заколотилось сердце.

И следом... следом внутри что-то оборвалось – неожиданно, резко, болезненно. Я едва не вскрикнула, но накрыло что-то, совершенно незнакомое, непонятное. На грани страсти и ненависти, любви и отторжения, нежности и злости, если такое вообще возможно.

Голова закружилась, перед глазами заплясали черные мушки, я откинулась на спинку кресла и бессильно обмякла.

Все вокруг почернело, словно залитый темной краской лист бумаги, и я отключилась.

Глава 2

Первое, что я увидела, придя в себя – бирюзовые глаза блондина.

Они выглядели как ненастоящие, как два куска льда – красивые и мертвые. Но в то же время взгляд незнакомца проникал в самую душу, будоражил, волновал. Холодный и колючий он внезапно обжигал страстью так, как никогда прежде.

Ой! Да блондин совсем близко! Он остановился напротив кресла и наклонился к моему лицу так, что наши носы почти касались друг друга.

Секунда текла за секундой, а блондин не двигался с места, вообще не шевелился. Мне стало очень не по себе. Казалось, передо мной мраморное изваяние, жертва Медузы Горгоны.

Тишина воцарилась вокруг, будто время остановилось, и мы застыли в нем, как жуки в янтаре.

Но как только я собралась с духом окликнуть блондина, тот резко выпрямился, и растянул губы в кривой улыбке.

– Хм... Индиго из немагического мира... – блондин нахмурился, наморщил нос и размашистым шагом прошелся по кабинету, не переставая коситься в мою сторону. – Как тебя зовут?

– Оля... Олейса, – растерянно промямлила я.

Черноволосый верзила и рыжий застыли по сторонам от моего кресла, как соляные столбы.

Наконец, блондин притормозил и вновь устроился за письменным столом.

– Как тебя зовут? – спросил «бесцветным» тоном.

– Олейса Га... Просто Олейса, – не знаю, что меня остановило, но представляться по форме – с именем-отчеством-фамилией резко расхотелось.

– Ну что ж... Краткий ликбез. Так сказать экскурсия без осмотра достопримечательностей, – язвительно произнес незнакомец и резко перешел на нейтральный, почти деловой тон. – Этот мир разделен на два мира-кармана. Вернее на него наложены два мира-кармана. В одном из них вы и находитесь. Здесь живут велфы, то есть мы, лемы и коты. Велфы – что-то среднее между вампирами и эльфами. Мы питаемся обычной пищей, но обязательно вынуждены пить кровь с определенными гормонами. Каждому нужен свой. Кому-то адреналин, кому-то тестостерон, кому-то еще что... Взамен мы на несколько часов даем донору ощущение небывалого счастья, любви, умиротворения. Обычно говорят – вливаем кайф. Поверь, наркотики рядом не стояли. Плюс – никакой ломки, никакого вреда для здоровья. Покайфовал, очнулся свежим и бодрым. Поэтому сюда и приходят добровольно. Вампиры в нашем мире когда-то обитали тоже. Возможно, даже мы произошли от них. Есть такая теория. Лемы – что-то вроде фейри из вашей мифологии. Способны становиться невидимыми, медленно стареют, красивые и безликие, как куклы. Коты – оборотни. Превращаются в гигантских кошек. В последние несколько столетий произошло два сдвига границы миров-карманов в сторону соседних немагических миров. Появилась слабая, но возможность перехода туда и обратно. А десять лет назад из них сбежало несколько преступников разных рас. От убийц до мошенников.

Я закивала – дальше блондин мог и не продолжать. Он прервался, расплылся в улыбке сытого кота, будто гордился моей сообразительностью, и продолжил:

– Чтобы беглецов не затянуло обратно в наш мир, они выпихнули сюда местных. Вам нужно обменяться кровью или энергией с существом, с которым имеется некое сродство энергий. Черт его знает что это. Но мы его ощущаем. Все по-разному, но ощущаем.

Блондин умолк, отвел взгляд, и некоторое время изучал свой монитор, словно обнаружил там нечто крайне важное и срочное.

В кабинете снова повисла напряженная тишина. Плотные закрытые окна не пропускали ни малейшего сквозняка, ни единого звука. Штор на них не было, жалюзи тоже, только полупрозрачная вуаль дорогого тюля отгораживала нас от улицы.

Внезапно в комнате запахло железом. Так сильно, что я поморщилась, и блондин вдруг резко поймал мой взгляд.

Так, как в первый раз. Я почувствовала, что не в силах отвести глаза, даже если очень захочу.

– Что ж... Я чего-то такого ожидал. Я дам тебе все, что нужно. Но ты останешься здесь, у меня на службе.

– Нна чем? – я даже начала заикаться, вообразив себя официанткой, барменом или, того хуже, вышибалой. Выглядело смешно и нелепо. Но чем я могу еще заниматься в ночном-то клубе? В бухгалтерии я ни в зуб ногой, в администрировании тоже, повар из меня никудышный. Дома занималась дизайном сайтов. Не похоже, чтобы блондину требовался такой специалист.

Он криво усмехнулся, словно прочел мои мысли.

– Ты эмпат и телепат. Способности раскроются постепенно. Будешь следить, чтобы сотрудники меня не обкрадывали, предупреждать о том, что затевается драка. У нас тут такие боины бывают, – он закатил глаза, будто рассказывал о чем-то изрядно поднадоевшем, но вовсе не страшном. – Будешь сообщать, если кто-то нарушает законы. Пока разовьются способности, как раз успеешь их изучить. Они у нас презабавные с момента заключения пакта ненападения между вельфами, котами, лемами и людьми. Совсем забыл! Людей у нас очень много. В общем, освоишься, разберешься – что тут и как, и займешься делом. А пока... – блондин помедлил, плотно сжал губы.

Я зачем-то вжалась в кресло, словно ожидала нападения.

Но случилось такое, чего я никак не могла предвидеть.

Не прошло и секунды... блондин очутился рядом, наклонился, впился в губы поцелуем. От него пахло молоком и мандаринами и совсем не пахло кровью. Жесткие, властные губы не были холодными, скорее уж горячими, обжигающими. От непрошеного поцелуя совсем некстати закружилась голова, накрыло удушливое волнение, часто-часто забилося сердце. Во рту появился отчетливый солоноватый привкус, затем железный и сладко-кислый. Я отпрянула, ощутив острую боль в губе.

Блондин выпрямился – резко и внезапно, отшатнулся к столу и тяжело присел на него, словно с трудом держался на ногах. Вытер кровь с губ. Почему-то я точно знала, что не только мою, но и свою тоже.

На какие-то секунды блондин напрягся, спрятал руки в карманы темно-синих джинсов, в тон рубашки с коротким рукавом. Провел языком по губам, словно смакуя, потом еще раз и еще. Все это время он не сводил с меня глаз, и в них мелькало удивление, смешивалось с удовольствием.

– Ну, вот и обменялись, – произнес так хрипло, что я едва узнала его мелодичный, хотя и низкий голос.

Помедлил, кажется, сжав руки в карманах в кулаки, облизнулся еще раз и... очутился на своем кресле.

– Поручу тебя Эльвире, барменше и моей сестрице, – все так же хрипло продолжил блондин. – Кстати, забыл представиться. Меня зовут Талисс. Можно просто Тал. Я владелец этого заведения и половины города в придачу, один из вельфийских королей, – он сказал это так просто, между делом, словно и не король вовсе, а какой-нибудь сантехник. – Проводи! – кивнул рыжему и уставился в монитор.

Рыжий дернул меня за плечо ледяными пальцами. Я инстинктивно отшатнулась, вскоčila, крутанулась, и черноволосый подтолкнул в спину.

– Эй! А ну-ка придержите-ка руки! И полегче, полегче... – полетело нам вслед рычание Тала. – И если хоть кто-то попытается ею питаться...

Рыжий вздрогнул, черноволосый опасливо покосился на меня.

Фразу Тал не продолжил. Черноволосый захлопнул дверь, и мы стремительно двинулись назад, по коридору.

Не успели добраться до выхода, навстречу бросилась уже знакомая мне барменша.

Один ее небрежный взмах рукой – и спутники-мордовороты послушно отступили назад.

Эльвира окатила меня внимательным взглядом. Ух ты! Какие у нее глаза! Темно-стальные, с серебришкой. Казалось, вместо радужки залит жидкий металл.

Барменша приобняла меня за плечи, ожидаемо обдав холодом, и представилась:

– Эльвира. Но все зовут меня Вира...

И широко улыбнулась.

Вот теперь стало ясно, что не так с ее улыбкой! У Виры было целых четыре клыка наверху и, похоже, столько же внизу. Острые, ровные, они сразу бросались в глаза.

Вира рванула к дверям, и мы вернулись в зал ночного клуба.

Ида! Похоже, так весь день и прохожу – в пижаме, невытая и нечесаная, как замарашка. Порадую здешних посетителей бешеной экзотикой!

Хорошо хоть они по-прежнему не обращали на меня особого внимания. Возможно, остальных жертв беглых преступников «подбрасывали» сюда и в более диких туалетах.

Легкая, веселая мелодия неожиданно оборвалась, по ушам ударило рваное думц-пумц, и посетители резво задрывались в такт.

Беседующие начали просто орать – иначе бешеную музыку не перекрычал бы никто. Запахло клубникой и вишней – Виру сменил за барной стойкой загорелый лем, с идеально уложенными черными волосами и смешивал ягодные коктейли. Даже кривая челка его лежала волосок к волоску. Идеальность нарушало только небольшое родимое пятнышко, на щеке, возле уха, похожее на трехлепестковый клевер.

Вира не дала мне толком сориентироваться, дожидаться, пока вернется нормальный слух – схватила за руку и потащила вперед.

Неподалеку от барной стойки свернула направо и ненавязчиво подтолкнула к двери, которую я прежде не заметила. Не мудрено! По цвету она почти не отличалась от стены, разве что выглядела не гладкой, а скорее шершавой, как наждачка.

Вира рывком распахнула дверь, и потянула меня в очередной синий коридор, изрезанный широкими полосками белесого света.

Не успела я сориентироваться, как мы уже входили в квартиру.

Просторную, со спальней, кухней, ванной и даже рабочей комнатой.

Вира сразу потянула меня туда.

У самого окна, без жалюзи, штор и даже без тюля, громоздился большой черный стол. Деревянный, насколько я смогла определить. На нем стояли в ряд два компьютера, с тонкими, как газетный лист, мониторами. Три пухлых кожаных кресла выглядели довольно удобными.

Две черные тумбочки ютились между стеной и столом.

Здесь витал очень слабый, странный запах – пряный, с перчинкой.

– Если не нравится отдушка, открой окно. А завтра уборщица поменяет на другую, – словно поймав мою мысль на лету, произнесла Вира.

Жестом указала на одно из кресел, а сама устроилась напротив.

– В общем, так, – Вира резко перешла на деловой тон. – В спальне, в гардеробе есть одежда разных размеров. Уверена, что-то да подойдет. Это комнаты для сотрудников. Ночной город не всегда приветлив и безопасен... Узнаешь потом... Теперь ты с нами, так что жилье – твое. В верхнем ящике, – она качнула ногой в сторону одной из тумбочек. – Наши законы. Всем полезно помнить. Так что тебе повезло. Многие изучают их до сих пор. Хотя договор

между расами заключен несколько столетий назад. В ванной есть мыло, шампунь, целебная мазь для тела и куча всяких там женских примочек. На кухне, в холодильнике, немного еды. Тебе придется по-быстрому привести себя в порядок и выйти в зал. Сядешь у барной стойки, и будешь впитывать эмоции, мысли. Так способности откроются быстрее. Если что свисти меня.

Я только моргала, слушая инструкцию. В голове роились тысячи вопросов, и выбрать самые важные никак не получалось.

Откуда Вира знает о нашем разговоре в кабинете Тала? О том, на какую должность он меня принял, и что я должна делать?

Пришелецу из другого мира во мне узнавал каждый первый, и Вира, похоже, не исключение. Но как они это делали?

Почему Тал вот так запросто взял меня на работу? Что означает для нас обмен кровью? Что-то подсказывало – поцелуем дело не ограничится. Когда я работаю и когда отдыхаю? С утра до утра? С вечера до утра?

Будут ли мне платить сразу? Вдруг понадобится купить что-то. Да хотя бы еще еды, раз ее тут немного!

Вира помолчала, позволяя собраться с мыслями.

– А-а-а... Я смогу купить что-то? Ну, смена когда-то закончится?

– Два вопроса в одном, – хмыкнула Вира. – Хорошо. Смена закончится утром. Днем ты свободна, если не понадобишься лично Талу. Велфы не спят, а вот остальные расы – да. Так что Тал может вызвать любого и днем и ночью. Оплата тут в конце смены. Увидишь как. Чужаки обычно удивляются. Мы вас легко определяем, по ауре. У местных она всегда однотонная, у пришельцев – цветастая. Твоя так вообще – как фейерверк.

Ответы мало что прояснили, скорее уж сильнее запутывали. Я могу освободиться утром или не-освободиться вовсе. Мне как-то заплатят, но так, как я сама не ожидаю. Я ауру не вижу, а вот местные различают ее во всех подробностях. Одним словом, веселуха.

– Уверена. Тал даст тебе передохнуть, – широко улыбнулась Вира, рывком поднялась, обошла мое кресло и похлопала по плечу. – Похоже, ты ему слишком важна, – добавила загадочно.

Отлично! Одной «непоняткой» больше. Я? Важна Талу? С чего бы вдруг? Мы едва знакомы! При встрече, Тал вел себя не слишком-то дружелюбно. Скорее отчужденно, свысока. Или мне только почудилось? Кто его знает, как выражают дружелюбие эти неспящие велфы...

Вон как они меня бесцеремонно хватали, толкали, обнимали... В моем мире в приличном обществе так себя не ведут...

– Важна-важна, – хмыкнула Вира. – Не знаю, как он это переживет, конечно. Тал привык к другому. Так что ты с ним помягче. Я из бара слышала, как изменился его голос в беседе с тобой...

Вот тут я окончательно впала в ступор. Я? С ним? Помягче? О чем это она? Тал – местный король... А я... я всего лишь бомжиха из другого мира, которую Тал в приступе человеколюбия взял на работу. Что я могу ему сделать? Уволиться? Вот уж велика неприятность! Найдет другую.

Я обернулась к Вире, чтобы проверить – не шутит ли она. Встретила серебристый взгляд... и вдруг накатили эмоции. Сердце сжалось от сочувствия, захотелось что-то сделать, куда-то бежать, что-то изменить...

Захотелось баюкать и утешать кого-то, как родного сына или брата...

Я захлебнулась воздухом, вцепилась в поручни кресла. В висках запульсировала кровь, мышцы свело... и... отпустило.

Вира кивнула, будто понимала, что произошло.

– Эмпаты, как и телепаты, в нашем мире огромная редкость. Зато эмоций тут уйма, и они весьма необычны, – непонятно зачем и почему произнесла барменша.

Я перехватила ее серебристый взгляд, но Вира быстро отвела глаза.

Секунда – и велфийка рванула к двери быстрее, чем я выдохнула, будто сбегала от новых расспросов, излишнего любопытства.

Девушки и след простыл, а я осталась одна, в чужом мире, в чужом баре, среди незнакомцев. Повезло, так повезло.

Вот даже любопытно – мой медбрат убийца, маньяк, или так, мошенник?

Впрочем, то, что он мошенник вопросов не вызывало. Выбросил меня сюда, а сам спасается от правосудия на Земле. Семья у него! Дети! Хм... Надеюсь, хотя бы половина из этого правда...

Потому, что вот у меня – семья... Дочка, внучка...

Эмоциональный ступор ненадолго схлынул, обнажая болезненные эмоции. Сердце кольнуло, свинцовый воздух загустел в груди, глаза обожгли непрошенные слезы.

Дочка... Увижу ли я ее снова? Хотя бы на минуту, хотя бы на миг!

А ведь мы только вчера созванивались...

Я вспомнила мягкий, звонкий голосок своей девочки, ее восторженные рассказы про победу внучки на школьном конкурсе танцев.

Я прямо видела ее глаза – лучистые, темно-карие... Родинку на правом веке – маленькую, едва заметную...

Колючий ком наждачкой царапнул горло, глаза обожгло, внутри разливалась безнадежная тоска.

Стоп!

Я встрепенулась, одернула себя. Не время! Сейчас я должна сделать все, чтобы выжить! Я не увижу семью, если не адаптируюсь, не устроюсь!

Несколько минут ушло на то, чтобы загасить, уже готовую вспыхнуть истерику, задвинуть подальше боль утраты.

Я почти насильственно ввела себя в ступор... Надела его на душу как надежный скафандр, чтобы защититься от страданий хотя бы на несколько часов. До тех пор, пока смогу позволить себе переживания, слезы...

Надеюсь, что смогу...

Ладно! Пора суетиться! На отдых, обустройство и прочее времени нет. Даже интересно – почему мне требовалось обменяться кровью именно с Талом? Что-то они тут все недоговаривают. Кожей чувствовала – между мной и велфийским королем есть какая-то странная, очень сильная связь.

Я невольно облизала губы и будто снова ощутила его поцелуй. Так реально, словно видела сон наяву или бредила. Не знаю уж, что тут ближе.

Сказать, что Тал умел целоваться, не сказать ничего. Его жесткие, властные губы касались в меру настойчиво и в меру нежно. Язык обжигал небо и щеки страстной лаской. Интересно, он же должен быть холодным, как черноволосый, как рыжий? Тогда почему же он такой горячий?

Каждое прикосновение Тала обжигало, будоражило...

В животе потеплело, стало щекотно. Я трянула головой, сбрасывая наваждение. Плохо, когда тебе много лет, а тело молодое. Гормоны «бунтуют» как у девушки, а разум твердит насколько это глупо, смешно и нелепо млеть от поцелуя малознакомого нелюдя. Тем более, почти вампира. Фу-у-у! Я их с детства ненавидела!

Они же ходячие мертвецы!

Но сколько бы я себя ни убеждала, поцелуй Тала волновал так, как давно не волновали мужские ласки и поцелуи.

В спальне, в деревянном платяном шкафу обнаружилась одежда всех видов, фасонов и цветов. Длинные вечерние платья соседствовали со спортивными костюмами, затрапезные

джинсы и футболки – с юбками, брюками и блузками особого кроя, из дорогих тканей. На верхней полке лежали полотенца и махровый халат. На нижней, почти у самого паркетного пола – босоножки, туфли и шлепки.

А они, что, тоже всех размеров? Судя по количеству, вряд ли.

Я вытащила фиолетовые сланцы и нырнула в них. Ух ты! Как на меня покупались! Записем в загадки.

Господи! Наконец-то душ и чистая голова! Думала, не доживу!

А остальное – потом... потом... потом...

...

Как же мало нужно человеку для счастья!

Вымыв голову яблочным шампунем, я едва не запищала от восторга.

Чистая кожа чудесно скрипела, махровый халат приятно щекотал тело.

Этикетки на баночках с банными и женскими принадлежностями переводились сами собой. Витые закорючки-буквы, чем-то похожие на арабскую вязь, превращались в голове в знакомые слова. А спустя пару минут я вообще перестала обращать внимание на язык. Смотрела на надпись – и понимала ее.

Так я нашла все, что нужно. Даже увлажняющий крем для лица и тела.

Тело я никогда не увлажняла – спасибо матушке-природе. А вот на лицо с радостью нанесла крем, бросила взгляд в овальное зеркало в ванной и ахнула.

Приблизила лицо к серебристой глади стекла, проморгалась и резко отстранилась. Черт!

У меня действительно янтарные глаза – прозрачные, с оранжевым отливом? А если присмотреться повнимательней, можно увидеть золотистые крапинки? Ух, ничего себе! Еще утром, дома глаза были светло-карие... Да что там утром, дома... Всю прежнюю жизнь!

Ой... и кожа более гладкая, нежная на ощупь, чем раньше! Прямо как у лемов... И волосы... пышные, яркие, кажется, стали гуще раза в три. Еще недавно медно-рыжие, теперь они напоминали желто-оранжевые языки пламени.

Лицо... лицо вроде не изменилось. Крупные, но гармоничные черты, аккуратный нос и губы. Миндалевидный разрез глаз, как называл его мой косметолог.

Все на месте. Даже один уголок верхней губы по-прежнему чуть выше другого.

Я повертелась перед зеркалом еще, распахнула халат. Да нет, вроде больше никаких изменений не случилось.

Вот интересно – это от крови Тала или перехода между мирами?

«Обменяться кровью... легко сказать... Дать пить себя хотя бы каплю... а потом... Поцелуй... нужно избавиться от этого чувства, от этого... мне нужна разрядка...»

Мысли промелькнули в голове быстрее молнии. И в ту же минуту внизу живота стало горячо-горячо. Сильный спазм скрутил так, что даже ноги свело судорогой.

Я застыла, переживая болезненные ощущения. Несколько минут меня лихорадило – все тело горело, кожу покалывало, губы просто жгло. Хотелось содрать с себя всю кожу, окатиться ледяной водой, особенно низ живота.

Я часто задыхалась, словно неслась со всех ног, и горячий пар вырвался изо рта. Тело напряглось, окаменело и... все пропало.

Ощущения прошли мгновенно, как не бывало. Словно и не мои вовсе – чужие, навязанные извне.

Я тряхнула головой и взялась за расческу. Деревянный гребень с редкими зубьями – то, что нужно для моей старой гривы, а для новой – и подавно.

Я расчесала волосы и ойкнула. Чем дальше проходила гребнем по прядям, тем суше они становились. За считанные секунды голова высохла полностью.

А вот это отлично!

Закончив с банными процедурами, я вернулась в спальню и вновь зарылась в гардероб. Белье обнаружилось на верхней полке, сразу за полотенцами. Свой размер я нашла почти сразу же, словно его нарочно положили на самое видное место.

Ладно. Снова запишем в загадки. Поехали дальше.

Я выбрала свободные черные брюки из тонкого трикотажа, с заниженной талией и светло-серую футболку.

Нейтрально, аккуратно и не вызывающе. То, что доктор прописал.

Обувь...

Возьму-ка черные кеды! Даже если и велики, ходить все равно смогу. Я надела обувь и... ойкнула снова. Это начинало входить в привычку.

То ли кеды резко уменьшились, то ли мне почудилось, но пара оказалась точно в пору.

Ну что ж. Проведу ревизию холодильника, что-нибудь кусну и пойду осваивать способности.

Поистерю и порефлексирую после работы. Если его величество Тал позволит спящим расам немного передохнуть.

Глава 3

В холодильнике было шаром покати. Только в самом углу сиротливо стояла баночка с каким-то белым, кисломолочным напитком, вроде очень густого кефира.

Я скривилась, но выпила. Желудок недовольно заурчал о том, что этого ничтожно мало. Но я решительно поспешила наружу.

Дверь не запиралась. Ни замка, ни щеколды, ни чего-либо похожего на ней не обнаружилось. Я прошла вдоль остальных дверей и отметила, что и они сделаны так же.

Ну что ж! Значит так и надо. Да и красть у меня пока совершенно нечего.

Все, что есть в квартире, находилось там еще до моего появления.

С этой мыслью я толкнула шершавую синюю дверь и вышла в зал ночного клуба.

«... Интересно он меня заметил» «А сколько я уже потратила?» «Надо подойти и предложить...» «Ммм... она вкуснее, чем я думал...» «Ши» «Мра...» «Зва» «Бук»...

Голова взорвалась образами, словами, а потом и вовсе слогами – они складывались в непрерывный белый шум, мешали сосредоточиться. Боль запульсировала в висках.

Я прислонилась к стене, и зал ночного клуба закачался, поплыл. Показалось, я несчастный пловец в штормовом океане, а беспощадные волны хлещут, накрывают с головой.

И только я подумала, что хуже не бывает, нахлынули эмоции, ощущения, порывы – все вместе. Жар, холод, удовольствие, счастье, ненависть, жажда, голод... Еще, еще и еще... Тело скрючилось, голова загудела как чугунный котел, ватные ноги подогнулись, и я поползла вниз.

Секунда... другая... Бух-бух-бух... загрохотало в ушах сердце, слава богу, заглушая шум в голове.

Я затрясла ею, словно хотела вытряхнуть все чужие мысли, эмоции. Но они прибывали и прибывали.

Я захлебнулась воздухом, открыла рот, изо всех сил пытаюсь выдохнуть.

Зажмурилась и застыла, не зная, что делать. Как все выключить, как выделить из общего гула, эмоционального хаоса хотя бы что-то понятное, цельное...

– Ну, все, все, все, – тихий, женский голос звучал мягко, словно издалека. Не взирая на хрипотцу, он казался удивительно мелодичным, приятным слуху.

Я приоткрыла один глаз. Рядом, на корточках сидела женщина, не похожая ни на одну из названных Талом рас.

Она выглядела как... как я теперь.

У незнакомки была гладкая, очень смуглая кожа, почти как у лемов, но лицо живое, интересное. Удлиненное, с заостренным подбородком и маленьким, острым носом. Огромные черные глаза женщины походили на бездонные колодцы. Но не пугали, скорее успокаивали.

Кудри, цвета воронова крыла рассыпались по худеньким плечам, прикрывая острые ключицы.

Она представлялась хрупкой и сильной одновременно. Очень взрослой и в то же время молодой.

– Так... – вновь пробился сквозь белый шум в голове голос с хрипотцой. – Ты в море. Вокруг вода, но внутрь тела она не просачивается. Если ты очень захочешь, пропустишь тонкий ручеек, например, справа, или слева. Но твоя кожа, твое тело надежно защищают от бурного потока. Давай!

Я почти не понимала – что она говорит и зачем. Но попыталась прочувствовать. Мощные волны, бескрайнее море эмоций, мыслей, порывов, ощущений, и я... надежно отделенная от него чем-то вроде скафандра... Вода плещется, бушует, ударяет в мой защитный костюм, но внутри не просачивается ни капли.

Секунда... другая... и мир вокруг словно замер... А затем пришла долгожданные тишина... Она приятно звенела внутри, а снаружи по-прежнему грохотала и била по ушам какая-то до нелепости веселая мелодия.

Запах алкоголя пощекотал нос, горечью отдался на языке, и, как ни парадоксально, отрезвил окончательно.

– Хейла? Какого черта ты тут забыла? – резкий оклик Тала прозвучал сверху. Я посмотрела туда и опять поразились изменчивости глаз короля. Теперь они вновь походили на два куска льда – мертвые и очень опасные. Таким взглядом и убить недолго – столько было в нем яда и холода.

Черты мужественного лица Тала заострились, подбородок выпятился, мускулы вздулись так, что казалось секунда, другая – и его джинсы с толстовкой разойдутся по швам.

Хейла мазнула по королю небрежным взглядом с поволокой и проронила:

– Могу уйти. Но тогда твоей телепатке конец. Слишком сильные у нее способности. Аура так вообще. Давненько я такой не видела. Сама не справится. Либо сойдет с ума, либо еще что похуже. Могу обучить ее. Ты знаешь, что это будет тебе стоить.

Тал втянул щеки, полоснул по женщине очередным уничтожающим взглядом, и подал мне руку.

Я инстинктивно приняла его ладонь – по-прежнему до странности горячую, чуть влажную.

Король рывком поднял меня на ноги, Хейла выпрямилась пружиной, словно ничего и не весила.

Звякнула тяжелая пряжка кожаного пояса на ее тонкой талии.

Неторопливо поправила Хейла черный корсет и отряхнула угольную юбку, в пол. Ее наряд выглядел одним из самых экзотических в зале. Словно красotka из прошлого века перенеслась в нынешний.

Откинув за спину длинные черные кудри, Хейла подняла глаза на Тала, и с минуту они буравили друг друга взглядами – один убийственной другого.

Я ожидала, что король велфов выгонит незваную посетительницу взашей. В конце концов – что ему моя судьба? Не выдержу вспышки способностей – одной проблемой меньше... Кажется, такие мысли мелькали у него в голове. Я не читала их напрямую, но почему-то почувдилось – воспринимаю эмоции и сомнения Тала. Похоже, ему очень не хотелось давать Хейле то, чего она требовала.

Наверное, мне стоило бы расстроиться, запаниковать. Но вместо этого наступил очередной ступор. Я смотрела на Тала, на Хейлу и ничего не чувствовала. Вообще.

Женщина подмигнула – хитро-хитро.

Тал издал тяжелый, почти обреченный вздох и процедил сквозь зубы:

– Твоя взяла, полукровка! Я согласен! Все сделаю сегодня же днем, как только закроют клуб.

– Слово короля велфов? – изогнула бровь Хейла, и в голосе ее отчетливо прозвучала насмешка или даже издевательство.

– Слово короля велфов! – казалось, эта фраза далась Талу ценой огромных усилий. Он окатил меня странным взглядом – совсем не ледяным, скорее теплым, почти ласковым. Секунда – и король уже возле дверей в помещения дирекции. Еще секунда – его и след простыл.

Хейла взяла меня за руку и потянула к барной стойке.

Вира выпетила ее взглядом сразу. Недовольно скривилась, но не проронила ни слова. Повинуясь небрежному жесту барменши, золотисто-русая лема, обтянутая суперузким красным платьем и взлохмаченный черноволосый кот поспешно освободили нам с Хейлой две высокие табуретки.

– Мне как обычно, – невозмутимо заказала спутница.

– Мне если можно фруктового чаю. С мятой, – почти взмолилась я.

– Тебе это даже нужно, – мягко произнесла Вира и принялась смешивать коктейль.

Руки вефлфийки просто летали. Но сама барменша выглядела расслабленной, спокойной, словно работа в таком бешеном темпе совершенно не напрягала ее.

Спустя считанные минуты перед Хейлой появился грог или что-то вроде него, а передо мной – ароматный ягодный чай с мятой и мелиссой.

Я обхватила пальцами большую прозрачную кружку и с наслаждением глотнула теплого напитка. Ммм... После недавнего перекуса всухомятку он казался просто даром богов.

Бар жил своей жизнью. Посетители галдели, наперебой звали Виру, дрыгались в такт очередного бумц-тумца. В воздухе витали запахи сладкого и ядреного алкоголя, смешивались с ароматами выпечки, жареного арахиса, пирожных, пота и парфюма. Бррр... Адский коктейль... Вира успевала обслуживать посетителей и всякий раз возвращаться к нам, словно чего-то выжидала.

Я тоже ждала, что незваная помощница представится, хоть немного расскажет о себе, об их с Талом странных отношениях. Но вместо этого Хейла сходу взяла быка за рога.

– Для начала тебе следует научиться наглухо блокировать способности. А потом создавать канал только для нужных мыслей и эмоций, – заговорила как учительница с младшеклассницей. – Это непросто и не быстро. Приготовься к тому, что сильные эмоции окружающих все равно будут пробиваться. Как и мысли, ими напитанные. Самые мощные – мысли и эмоции велфов. Их будешь слышать и ощущать в первую очередь. Велфы – существа крайностей. Либо они совершенно безразличны, либо сходят с ума от идей и страстей.

– Хейла? – встряла я, когда она взяла небольшую паузу. – Хотелось бы все-таки понять – кто вы и почему взялись меня обучать.

Хейла скривилась, словно пила не грог, а лимонный сок, мазнула недовольным взглядом по Вире. Та многозначительно хмыкнула, по-школьному сложила руки на барной стойке и отчеканила:

– У нас тут обитает очень интересный вид существ – полукровки. Помеси разных рас. Хейла – помесь индиго и велфов. Такие, как мы, способны иметь детей только от определенных существ. Не обязательно от себе подобных. Остальные расы почти не скрещиваются друг с другом и лишь изредка – с людьми. Хейла – сестра Тала по отцу. Но матери у них разные. Отец Тала погиб много тысячелетий назад в межрасовой войне. И только тогда наш король узнал, что у него есть сестра. С тех самых пор эти двое как кошка с собакой. Особенно после того, как Тал провел расследование, и выяснилось, что Эльгард, его отец, изменял жене, когда они еще жили в браке. Хейла отсудила для матери часть состояния Эльгарда. Так что... А еще... еще она покупает кровь разных существ для каких-то экспериментов. Кровь таких древних как Тал стоит очень дорого... Но не дороже твоего здоровья...

Хейла пожала узкими плечами, улыбнулась мне самой невинной улыбкой и произнесла:

– Ну, вот вкратце и все. Так что мы вполне можем стать родственницами.

Я опешила. А я-то причем? Заметив мое недоумение, Хейла расплылась в довольной улыбке, Вира нахмурилась, но ничего не сказала.

– Забудь. Об этом потом, – снова пожала плечами наставница. – Давай займемся делом. Если в ближайшие пару дней не научишься ставить блок, ты очень рискуешь. Головой, в прямом смысле слова. Мозги расплавятся. И уже никакие эликсиры, даже мои, самые лучшие не помогут.

– А что за плату ты попросила у Тала? – все же не выдержала я.

– Хм... Всего лишь немного крови короля велфов. У меня куча всяких эликсиров для людей на крови велфов и лемов. Омолаживающие, оздоровительные, лечебные, помогающие бороться с бесплодием, – Хейла закатила глаза к потолку, как бы говоря – список можно продолжать и продолжать. – Ну? Вернемся к обучению? – предложила неожиданно...

Да... эта женщина не любила тратить время на разговоры о семейных дрязгах. Впрочем, я и сама их терпеть не могла. Всю свою жизнь. Старалась не вникать в бесконечные склоки мужниной родни. Мои же близкие давно почили. Может поэтому я и осталась без якоря...

...

Ближе к утру я привыкла к тому, как резко и быстро меняла тему Хейла.

Только что она объясняла – в чем сложность чтения лемов, и вдруг вспоминала про Тала. Жаловалась, какой он мстительный, предупреждала, что с королем велфов нужно ухо держать востро.

Честно говоря, меня больше настораживала сама полукровка.

Было в ней что-то неуловимо неискреннее.

И даже не только и не столько в словах. В жестах, в оценках окружающих, во взгляде, в который я проваливалась, как в черную дыру.

Впрочем, этой ночью мне было не до Хейлы и ее странностей.

Все силы и внимание уходили на попытки управлять даром – то удачные, то не слишком.

Самым сложным оказалось вникать в чувства и мысли велфов. Безразличные и холодные рассуждения я еще перехватывала, понимала, а вот эмоциональные... Они просто захлестывали, как штормовые волны – одна за другой, не давая передышки, не позволяя выдохнуть. И пока не то чтобы расшифровать послание, даже немного осмыслить его не получалось. Я задыхалась, голова раскалывалась, все тело ныло, болело, горело, а порой его и вовсе словно рвали на части...

А чего стоило блокировать такие «послания» велфов!

Чудилось, на это уходит вся жизненная энергия. И еще минут пять ноги дрожали от слабости, а внутренности будто разрывала пустота.

К людям и котам я подключалась без усилий. Читала легко и обрывала связь тоже.

С лемами дела обстояли похуже. Я легко выделяла чувства и мысли каждого, отрезала тоже. Но вот с пониманием возникли серьезные трудности.

Лемы думали совсем не по-человечески, если можно так выразиться.

Как выяснилось, в голове людей и остальных рас вначале рождался образ, и в то же мгновение переводился в слова. Проще всего было перехватить именно его, потому что выражал свои мысли каждый по-своему. Одна и та же реплика могла отражать совершенно разные мнения, впечатления, сведения. Все зависело от интонации, а вот ее уловить у меня не выходило совершенно. Хейла утешила, что это наживное и посоветовала временно сосредоточиться на картинках.

Вскоре у меня начало получаться.

С людьми и котами выходило все лучше и лучше. Только не с лемами и велфами. Лемов я решительно не понимала. В их мозгу роились неведомые образы, не похожие ни на что знакомое, более-менее понятное.

Велфы, как бы ни старалась, продолжали сбивать с ног сильными эмоциями, и в такие моменты я даже свои мысли и чувства узнавала с трудом.

Лучше всего получалось ставить блок. Через пару часов тренировок я создавала его почти на автомате, за считанные секунды.

И все же Хейла осталась довольна своей работой.

Когда за окнами забрезжил рассвет, и розовые кляксы растеклись по далеким облакам у горизонта, она похлопала меня по плечу и произнесла:

– Что ж. Ты отлично справляешься. Получше многих. Отдохни. Продолжим завтра, с самого открытия бара.

И не я успела ответить, как Хейла ловко спрыгнула с табуретки и, не прощаясь, по-английски ушла из заведения.

Вира налила мне большую кружку ягодного чая и предложила:

– Выпей и отдохни.

Более дельного совета сейчас мне не дал бы никто.

Голова была пустой и гулкой, в висках бешено пульсировала кровь, по телу разливались слабость и усталость. Казалось, прилягу на барную стойку и мигом отключусь, невзирая на неудобства и неловких свидетелей.

Народ рассасывался, и клубный зал изрядно опустел. Людей в заведении уже не осталось.

Музыка стала тише, нежнее и медленней. Откуда-то пахнуло свежестью, хотя все окна оставались наглухо закрытыми. По залу поплыл приятный, цитрусовый аромат.

Две пары лемов кружили неподалеку от барной стойки в каком-то плавном, красивом танце, похожем на фигурный вальс.

Короткие, расклешенные юбки девушек взмывали в воздух, превращаясь в балетные пачки. Нескромному взгляду представляли длинные, кукольно-тонкие, правильные ножки и крошечное белье. Мужчины лихо управлялись с партнершами, но выглядели почти безучастными к их идеальной красоте.

В углу, за синим столиком, тихо перешептывалась троица котов. Даже не будь они мощными, косматыми и диковатыми на вид, я узнала бы эту расу без труда. По одним только движениям – текучим, но одновременно исполненным внутренней силы, резким, но одновременно грациозным.

Возле бара все еще толпился народ, выстроилась хвостатая очередь из тех, кто жаждал выпить напоследок.

Я медленно сползла с табуретки, придерживаясь за стойку. Каждое движение давалось ценой невероятных усилий и долгого аутотренинга.

Чего-то вроде: еще немного, еще чуть-чуть, последний бой он трудный самый...

Вира улыбнулась, я кивнула ей и побрела в свое новое жилище.

На кухонном столе появились розетки с печеньем и вареньем – вишневым, клубничным и персиковым. Прозрачные, напитанные сиропом ягоды поблескивали в рассеянном свете лампочек на потолке, источая на всю кухню сладкий фруктовый аромат. С ним смешивался чудесный запах мяты с жасмином из большого стеклянного чайника. Чашки выстроились тут же – рядом.

Я решила не заглядывать в кухонный гарнитур. Похоже, все необходимое нарочно выставили наружу.

Все еще в оцепенении, я выпила несколько чашек чая, и сгрызла полрозетки крекеров. Решила убрать варенье в холодильник, и ахнула. Еще недавно там удавилась бы мышь, теперь же полки ломились от яств. Ягоды, овощное рагу, блины с творогом и мясом, жареные тушки каких-то птиц, запеченные клубни, молоко, сыр, йогурты... Чего тут только не было!

И я почувствовала себя туристом возле шведского стола пятизвездочного отеля.

Следующие несколько минут микроволновка гудела не переставая. На меня напал дикий жор. Я умяла тарелку жареных овощей, целую птичью тушку и снова выпила несколько чашек чая.

Вот теперь отлегло.

Я вышла в спальню и уныло оглядела одинокое помещение.

Комната с огромной кроватью, великанским гардеробом, тремя тумбочками и тремя же креслами, выглядела неуютно пустой.

Когда-то я любила простор, теперь же он скорее пугал, заставлял почувствовать себя еще большей сиротой.

Казалось, только теперь, полностью удовлетворив телесные нужды, я запоздало осознала, что друзья, близкие – все остались в той, другой жизни. На недоступной мне больше Земле.

А здесь... Здесь я совершенно одна. Никому не нужная, проблемная телепатка и эмпатка...

Я опустилась на мягкую кровать, накрытую покрывалом с оленятами, и воспоминания, эмоции хлынули рекой. На сей раз не чужие – мои, собственные.

Отключить их, избавиться, поставить щит я уже не могла.

...

Цирковой купол в радужных полосках, огромная арена и алые бортики вокруг... Сладкий запах попкорна, соленый – чипсов, приторный – газировки перебивают дику смесь ароматов зрительского парфюма.

Статная, красивая акробатка исполняет сложные кульбиты на лошади. Серая, в яблоках кобылка рысит по кругу, чуть опустив голову. Словно нарочно позволяет зрителям в деталях разглядеть высокое украшение на лбу – с десяток цветных перьев, перевязанных красной лентой.

Девушка делает сальто, замирает в ласточке, вдруг переворачивается, встает на руки, разводит ноги в шпагате и снова сводит их.

Сверкают в свете ярких лампочек под куполом ее серебристый корсет, черные лакированные сапоги и голубые колготки. Маленькая лазурная пачка из сотен оборот даже не трясется, словно и не накрахмаленная вовсе, а пластиковая.

Крохотная черная шляпка с алой ленточкой на полях подпрыгивает на крутых кудряшках гимнастки, но остается на месте, будто приклеенная.

Внучка вскочила с места, визжит и хрустит попкорном одновременно. Розовый бантик на левой косичке развязался. Плотные, черные колготки сползли, собрались складками на коленках.

Малышка оборачивается и в серых глазах ее плещется восторг, на лице – счастливая улыбка.

Дочка хихикает, поддергивает зеленую гофрированную юбку непоседы.

Подталкивает меня локтем, тычет пальцем в арену. Коротко стриженные ногти дочки, очень красивой, овальной формы поблескивают в лучах все тех же неумных светильников.

Янтарные сережки трепещут в маленьких мочках, подчеркивают длинную, тонкую шею...

Глаза обожгло, я спрятала лицо в ладонях и разрыдалась.

Безутешно, горько и громко...

Внезапно твердая, горячая рука легла на плечо.

– Тебя кто-то обидел? – голос Тала звучал словно издалека и как-то совсем незнакомо. Исчезли металлические нотки, приказные интонации. Король говорил мягко, почти душевно. Я убрала ладони с лица, вытерла ими глаза и обернулась.

Тал резко убрал руку с моего плеча, неторопливо обошел, и замер в нескольких шагах, буравя немигающим взглядом. Как же изменились его глаза! Опять, в который уже раз за сегодняшнюю безумную ночь!

Еще недавно ледяные, безжизненные они сияли, и казались даже не голубыми – яркосиними, как васильки.

– Все нормально, – всхлипнула я как-то слишком жалобно. – Просто... хочу домой... к близким.

Горло словно стянула петля, слезы вновь хлынули из глаз.

Лицо Тала преобразилось – желваки заходили ходуном, черты заострились, щеки впали. И без того бледная кожа совсем посерела.

– Хочешь к своему мужу? Под бочок? В теплую постель? Соскучилась по нему?

Секунда, другая – и Тал совсем близко. Еще секунда – и я на постели, под горячим, каменным телом вельфа. И чудится мне – никакие силы не сдвинут его даже на миллиметр.

Не успела понять, осознать – что происходит, властные губы короля впились в мои...

Поцелуй был долгим, напористым, но язык Тала ласкал очень нежно, осторожно, умело.

Я сомлела, совершенно потеряла ощущение реальности.

Стены, пол, потолок, кровать – все поплыло, растворилось в сладком мареве.

Тал резко напрягся, и я ощутила, как твердый бугор на его брюках уперся в живот. Ничего себе он среагировал! Ведь и пары минут не прошло...

Король выдохнул, вздрогнул, рывком отстранился.

Завис надо мной на руках и сквозь зубы процедил:

– Только не говори, что тебе не понравилось! Или что твой мужик, человечешко мог лучше. То, что могут в постели велфы, ни одной расе не под силу.

Я замерла, загипнотизированная его взглядом, совершенно сбита с толку. Глаза Тала сверкали аквамаринами, губы скривились – то ли иронично, то ли зло.

– Я... не об этом, – с трудом выдавила из себя. – Я про дочку...

Мгновение – и тяжесть горячего тела велфа исчезла. Тал очутился рядом, на постели, уже не лежа, а сидя.

Я с трудом приподнялась, не в силах прервать наш зрительный контакт.

– Этого я не ожидал, – велф застыл, словно превратился в статую. Косой взгляд его внимательно исследовал мое лицо. – Вернуться не получится, – вдруг почти резко добавил король, поменял позу и закончил. – Произошел полный обмен. Назад пути нет. Ни тебя, ни нашего беглеца граница не пропустит. А будете пытаться, погибнете.

– Полный обмен? – ошарашенно повторила я.

– Преступник закрепился в вашем мире. Обменялся с кем-то кровью и выбросил тебя, чтобы в наш не затянуло. Так происходит через какое-то время. Затягивает назад, что ни делай, как ни сопротивляйся. А если не обменяться кровью с кем нужно – верная смерть. Ты попала сюда и либо должна была умереть, либо обменяться кровью со мной. Но после этого ни преступник, ни ты назад не вернетесь.

Каждое его слово словно вбивало в грудь гвозди. Сердце больно кололо, на плечи навалился непомерный груз – тянул к земле, сплющивал.

Дочка... неужели я больше ее не увижу? Даже голоса не услышу?

Вспомнилось, как она отвечала в телефон: «Да, мамулькин?»

Не «Ало», как большинство, а именно так.

На глаза опять навернулись слезы, я зашлась рыданиями, закрыла лицо ладонями.

Тал затих. Несколько минут казалось, его и вовсе нет в комнате. И вдруг на мои запястья легли горячие пальцы. Оторвали руки от лица, и... Тал слизнул слезы со щек. Раз, два, три...

Это было так странно... и так волнующе.

Секунда, другая, один удар сердца, второй...

Тал вскочил на ноги, отшатнулся, будто почти потерял равновесие, и вдруг окликнул меня от самой входной двери.

– Тебе надо отдохнуть. Если что-то потребуется, зови Виру. Она живет через три квартиры от тебя. Увидимся, Олейса...

Дверь хлопнула, и мне осталось лишь недоумение.

Тал... он сбивал с толку и волновал так, как давно не волновал ни один мужчина.

То холодный и колючий, то вдруг душевный и почти нежный... Он был таким странным, таким не-человеком...

Я усмехнулась – вот тебе и определение. Велф... не-человек.

Откинула покрывало, и легла в постель. Клетчатое шерстяное одеяло было очень теплым, каким-то даже уютным.

Я прикрыла глаза и мгновенно отключилась.

Глава 4

Не знаю почему, но вместе со сном пришло и успокоение.

Не смотря на слова Тала, я почему-то была уверена, что мы с дочкой и внучкой увидимся вновь.

Пусть не так, как хотелось бы, пусть я не вернусь назад, но нас ждут многие и многие встречи...

Казалось, интуиция подсказывает что-то, почти обещает... И я внимала, впитывала информацию, и на душе становилось легче, теплее.

На этой приятной ноте сон слетел окончательно, и по телу разлилась бодрость.

Как ни удивительно, от вчерашней слабости, изнеможения не осталось и следа.

Я чувствовала себя так, словно уже недели три в отпуске, нежусь на пляже, плаваю и отсыпаясь.

Открыв глаза, я не сразу сообразила – где нахожусь. Где моя квартира? Где выкрашенные в светло-бежевый цвет стены? Двухспальная кровать, на которой ощущала себя одинокой и брошенной? Круглый светильник на потолке с фигурными изломами цветущих веток?

Куда все исчезло?

Просторная, синяя спальня казалась чужой, но в то же время я ощущала себя в ней спокойно, почти по-домашнему.

Солнце ярко светило в окна, хотя серебристые стрелки черных треугольных ходиков на стене показывали, что уже почти четыре вечера.

В комнате пахло огурцовой свежестью. Наверное, уборщица поменяла отдушку. Хотя я так и не успела попросить ее об этом.

Что ж... приятно.

Я сладко потянулась и вдруг заметила, как на запястье что-то сверкнуло. Это еще что за новости?

На тыльной стороне запястья светились несколько золотистых полосок. Я насчитала двадцать три. Они напоминали нанесенную на кожу краску, но пока мылась в душевой, тщательно терлась мочалкой, мылом, полоски даже не потускнели.

Напротив, если кожа нагревалась, они проявлялись ярче, а если охлаждалась, становились едва заметными.

Я обернулась в мягкое, розовое полотенце, вышла из ванной и заглянула в чудо-гардероб.

Взгляд упал на длинный сарафан из тонкого хлопка – белый, с оборками и кружевами по подолу. Что-то подсказывало – день сегодня жаркий, а мне очень хотелось выйти в город. Я даже не удивилась, обнаружив, что платье точно в пору. Впрочем, как и белые кожаные босоножки, на плоской подошве.

Та-ак. Мне же обещали заплатить! Да еще как-то по-особенному! И где же эта особенная плата? Надеюсь, поцелуи и объятия Тала не имеют к ней отношения?

От одной мысли о короле велфов меня бросило в жар. Словно опять девочка-подросток и представляю симпатичного мальчика.

Господи! Как же глупо! Как нелепо!

Мужчина себе на уме! Собственник, каких свет не видывал! Не то чтобы смотреть на других, даже вспоминать ненароком – и то под запретом! А я... я млею и вспыхиваю, думая о том, какими жаркими были объятия Тала, какими страстными, необузданными, но в то же время умелыми – поцелуи.

И глаза... Глаза короля велфов никак не желали выходить из головы.

Такие изменчивые, и такие теплые, сияющие, когда наши взгляды встречались.

Черт! О чем я только думаю?

Я по старой привычке тряхнула головой, торопливо расчесала и собрала в хвост волосы и вышла из квартиры.

Что там говорил Тал? Вира живет где-то рядом? Через три квартиры от моей – это вправо или влево? Ай, ладно! Пойду наугад. Надеюсь, не ввалюсь к какому-нибудь голому амбалу. Или того хуже, к сладкой парочке в самый неудачный для гостей момент.

Кто знает, как реагируют местные неведомые расы на такое вторжение в их интимную жизнь...

Что ж. Была не была!

Я подошла к выбранной двери и открыла ее, не без усилий повернув металлическую ручку. Много тут рассчитывалось явно не на людей.

Вира выскочила из кухни навстречу, и мне почему-то сразу стало легче.

Запоздало вспомнилось, что вообще-то в приличном обществе принято стучаться. А вдруг хозяева квартиры моются или переодеваются?

По счастью, Вира не обиделась, не посчитала меня слишком бесцеремонной, чтобы продолжить нормальное общение. Похоже, она понимала, насколько я сбита с толку. В обычной жизни я, конечно же, постучалась бы, как минимум спросила – есть ли кто дома, стоит ли входить или обождать.

Но после вчерашних событий, хорошие манеры, казалось бы, впитанные с молоком матери, воспитание, которым я всегда гордилась, испарились как небывало.

Вира то ли поняла это, то ли просто не заморачивалась церемониями.

С разметающимися по плечам золотистыми волосами барменша выглядела намного привлекательней, чем с собранными. Слишком узкое лицо ее казалось более округлым, миловидным. При ярком солнечном свете глаза Виры приобрели темно-серый, почти человеческий оттенок. И мне нравилось, что черты ее немного асимметричны. Губы и нос смотрели чуть вправо, на левой щеке выстроились почти в ровную линию шесть родинок. Одна бровь была заметно выше другой.

Не дав мне толком объяснить – зачем пришла, рассмотреть квартиру, на первый, беглый взгляд почти точную копию моей, Вира схватила за руку и потянула на кухню.

Первое, что бросалось в глаза на черном деревянном столе – огромная тарелка, полная спелой, темно-бордовой черешни. Крупные, налитые ягоды – одна к одной – так и манили. У меня аж слюнки потекли. Сразу вспомнилось, что так и не позавтракала. После вчерашнего пиршества, особого голода я не испытывала, но от небольшого перекуса не отказалась бы.

Вира кивнула на стул, и я послушно села.

– Угощайся! – барменша кивнула еще раз – в сторону тарелки, от которой я и так не могла отвести глаз. Поставила передо мной стеклянную розетку – кажется, для косточек, большую чашку черного чая и сама присоединилась с тем же набором.

– Начнем с оплаты. Прости, вчера забыла тебе рассказать, – Вира взяла мою руку, перевернула ее тыльной стороной вверх и ткнула пальцем в золотистые полоски. – Это энергоденги. В магазинах, ночных клубах, кафе, в общем, везде, ты берешь то, что подписано определенным количеством таких же полосок. Обычно они пунктирные. Значит, половина или треть. На выходе всегда стоит автомат. Подносишь к нему руку – и часть энергоденег снимается. Вся техника в нашем мире работает на этой энергии. Ею платят за работу, выдают кредиты и прочее и прочее. Кстати, Тал расщедрился. Больше десяти полосок за ночь не выдают никому. Даже мне.

Вира заговорщически подмигнула и в третий уже раз кивнула на черешню. Четвертый раз предлагать не пришлось. Ягоды были на редкость спелые, сочные и просто таяли во рту. Несколько минут мы с Вирой уплетали их за обе щеки, молчали и только переглядывались.

Воздух в квартире вейлфийки казался намного свежее, чем у меня. Я огляделась – нет, на кухне ни одного окна не открыто. В спальне, куда я ввалилась без стука, тоже.

Словно прочитав мои мысли, Вира улыбнулась:

– Тут специальная вентиляция. Воздух приходит очищенный и даже кислорода побольше. Помогает... когда надышишься спиртным, – она поморщилась. – У тебя в квартире также. Просто воздух прибывает в определенное время. Сейчас там тоже свежо.

Я вгляделась в лицо Виры. Почему-то очень хотелось ей доверять. Или мне просто нужен был хоть один друг, в новом, непонятном еще мире.

– Слушай. А вот Хейла... ей можно верить? – спросила напрямую.

Вира поморщилась.

– Мне сложно судить, – пожала сильными, но изящными плечами. – Я на стороне Тала, потому, что... им дорожу. Ты знаешь... бывают ситуации... когда никто не виноват, но всем плохо. Хейла заступалась за маму. Я бы сделала тоже самое. Мама... это святое. Вообще семья – это святое. Так что родных ты просто обязана увидеть. Тал говорил – у тебя остались дочка, внучка... Есть варианты. Это не быстро, очень непросто. Но... Раз у вас с Талом теперь общая кровь... Надежда есть. Только тебе нужно подождать, овладеть способностями, закрепить энергетически. Тогда... возможно многое. В общем, Тал тоже заступался за мать. Хейла не взяла ни копейки из отсуженного у Эльгарда состояния. Но ее заработок... и вообще то, чем она занимается... Хм...

– Ты про лекарства и эликсиры из крови? – уточнила я.

Вира резко кивнула.

– Понимаешь, кровь – очень сильная субстанция. Тем более наша. Там уйма остаточной энергии. Она и владельцу навредить способна. Такие манипуляции всем могут аукнуться. И даже не один раз. Хейла не проверяет длительный эффект своих препаратов. Ни для доноров, ни для тех, кто пользуется ее средствами. Что станет с клиентами через год, через десять лет... Это ей уже не интересно. Заплатили сполна, результатом довольны, назад деньги не требуют, больше Хейле ничего не нужно.

Вира отвернулась к окну, словно залюбовалась на далекий глиняный горшок с пышными кустами тяжелых цветов, похожих на розовые пионы.

Почему методы Хейлы так волновали ее? Я хотела спросить, но на лице велфийки заходили желваки, совсем как у брата, когда он сильно переживал. В мой щит от чужих эмоций будто врзалась мощная воздушная волна. Я почти физически ощутила, как он гнется, сопротивляется, поддается. Че-ерт!

В ушах раздался оглушительный треск – словно лопнула плотная холстина и начала рваться, расходясь надвое.

Меня накрыла боль – сильная, острая она резала тело сотнями лезвий, жалила сотнями пчел. Аж в глазах потемнело.

Я вцепилась руками в стол, напряглась так, что плечи и шею свело судорогой, и попыталась восстановить щит, как советовала Хейла.

Ощутила ауру, наполненную густой, вязкой энергией. Взяла оттуда как можно больше – столько, сколько смогла отсоединить. Представила, как бесформенный кусок чего-то незримого превращается в непроницаемый шлем, вроде мотоциклетного. Мысленно надела его на голову... Уфф... отпустило.

Дикая боль ушла, ощущение, что в висках шумит и бурлит, пропало, в ушах зазвенела тишина.

Я бессильно откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. И будто издалека услышала слова Виры.

– Прости. Кажется, ты словила мои эмоции. Подруга, Мирта обращалась к Хейле. Она наполовину человек, как и сама ведунья. Так зовут Хейлу некоторые ее клиенты. В общем...

Я с усилием разлепила свинцовые веки – Вира смотрела сейчас почти как брат. Так, что прервать наш зрительный контакт казалось ужасным преступлением.

И без того длинное лицо барменши осунулось, желваки все еще бешено двигались, глаза метали молнии.

– В общем... Она сильно болела. Что-то с легкими... Необратимое для нашей медицины. Болела с рождения, но где-то годам к тридцати резко сдала, умирала на глазах. Задышалась, не могла ходить, едва говорила. А врачи только разводили руками. Говорили – так и должно было произойти. Естественное течение болезни. Ничего не поделаешь. Финальная стадия, последняя... В отчаянии мы с Миртой обратились к Хейле. И та... продала нам свой эликсир из крови лемов и велфов. Лемы не страдают ничем подобным недугу Мирты. Только тем, чем можно заразиться. Генетические болезни, всяческие нехорошие изменения в органах их не берут совершенно. Велфов поражают генетические недуги и, очень редко, отказывают органы. Зато они не подвержены даже самым страшным и заразным инфекциям. Обе расы очень медленно стареют и восстанавливаются после травм за считанные часы. В общем, Хейла сочла, что такой микс полностью излечит Мирту. Конечно, она добавила туда еще какие-то снадобья, травы...

Вира осеклась, залпом осушила кружку чая, встала, плеснула себе еще и подлила мне. Она действовала быстро, как и ночью, в баре, но как-то более резко, нервно, что ли...

Наконец, Вира снова присела рядом, выдохнула и закончила:

– Вначале все было хорошо. Мирта поправилась. Но затем легкие ее снова начали разлагаться, еще быстрее, чем прежде. Она впала в кому... и очнулась через полгода. Легкие восстановились опять. Мирта живет от комы до комы уже больше пятидесяти лет. И никакие другие лекарства, обследования, чудо эликсиры Хейлы ей уже не помогают.

Вира замолчала вновь, допила чай, налила себе еще кружку и одним глотком осушила ее. Кивнула мне, но я помотала головой. Пить больше не хотелось.

– Прости, – вдруг совсем мягко проронила Вира. – Это все не твои проблемы. Хочешь есть?

После двух кружек чая и половины громадной тарелки черешни, в меня уже вряд ли что-то влезло бы. Я помотала головой, Вира ловко загрузила посуду в посудомойку и предложила:

– Тогда, может, прогуляемся по городу? Покажу тебе его, за покупками сходим? А?

Я закивала и поторопилась уйти от скользкой темы.

– Слушай, а вот если я, к примеру, месяцы не трачу энергоденьги... Я, что же, вся покроюсь полосками? Как зебра? Или стану позолоченной?

Вира рассмеялась – звонко и облегченно.

– Да не-ет! Полоски проявляются только от кисти до локтя. Чем больше тебе приходится средств, тем ярче они становятся. Затем, если приходит еще, они просто-напросто не исчезают после покупок. По сути это твоя энергия... Ее можно копить сколько хочешь.

– А украсть энергоденьги можно? Ну, например меня поймает кто-то и заставит снять месячную зарплату? Или вообще отрубят руку и пойдет снимать сам?

Вира удивленно приподняла брови.

– Вот это у тебя фантазии! Нет, только сам владелец, полностью добровольно может расстаться с деньгами. Любое принуждение отразится на ауре, и оплата не пройдет. Тоже самое, если рука пережата, заболела – все, ничего не купишь. У нас даже казусы случались поначалу. Ну, когда только ввели энергоденьги, вместо всех этих монет, бумажек. Человек сломал платежную руку... и все... ничего не в состоянии купить. Но создатели энергоденег объяснили, что в этом случае, собственной волей можно перекинуть средства на другую руку, ногу или еще куда-то. Полоски – это вроде обозначения твоей платежеспособности, не более того. Настоящие деньги, средства, суди, как хочешь – в твоей энергетике. И никто другой не может их ни отнять, ни использовать, ни заставить тебя отдать против воли... Как-то так. Поэтому воруют у нас исключительно вещи. От этого не застраховаться.

Барменша метнулась в спальню и уже оттуда добавила:

– Погоди пару минут. Я только соберусь.

В устах Виры фраза «пара минут» означала не быстро, а именно те самые две минуты.

Как только лаконичные треугольные ходики, прямо как у меня во всех комнатах, отсчитали указанное время, Вира влетела на кухню.

Волосы – собраны в аккуратный пучок, на лице немного косметики, вместо синих трико и белой футболки – кожаный корсет, кожаные штаны и сапоги, тоже кожаные. Совсем как вчера ночью.

– Идем! – она пристукнула серебристой металлической шпилькой по полу и махнула рукой.

Я послушно встала, и мы покинули квартиру.

Я думала, мы выйдем через зал ночного клуба. Но вместо этого мы свернули в другую сторону и направились к синему тупику.

Стоило приблизиться, стена словно бы растворилась в воздухе, открыв небольшую лесенку. Ступеней десять, не больше, уходили вниз и упирались в шершавую бирюзовую дверь с надписью «Черный ход».

Вира распахнула ее, и мы вышли наружу.

Я думала, днем оно не мерцает. Но небоскреб вспыхивал и погасал в точности, как и вчера ночью. Только клубная вывеска не светилась, и буквы казались уже не ярко-морковными, скорее бордовыми.

Зеленые, синие и голубые здания, испещренные тонкими черными прожилками или без них, на солнце бликовали не меньше, чем при ночном освещении.

Небо выглядело не столько лазурным или голубым, сколько очень светло-фиолетовым.

Далекое облачка несколькими рваными клочками ваты собрались у горизонта. В воздухе пахло тостами и прогретым камнем зданий. Прохожие то и дело обдавали нас с Вирой парфюмерными ароматами.

Мостовая закончилась резко – ее сменил зеленый асфальт – полупрозрачный, с изумрудными прожилками.

По улицам сновал народ. Кто-то гулял, кто-то спешил по делам. И я вдруг ощутила себя частью этого города, этого мира. Так странно... Прожить столько лет в другом измерении и вдруг почувствовать себя полноценным жителем волшебного, еще малопонятного мира-кармана, населенного диковинными существами.

Кукольно-красивые лемы в одеждах из тонких, струящихся тканей, приглушенных или удивительно чистых оттенков, вышагивали плавно, пружинисто, как танцоры. Мощные коты демонстрировали поразительную для их размеров и веса текучесть жестов, гибкость, грацию.

Невозмутимые велфы двигались бесшумно, будто не касаясь ногами земли. А временами перемещались с места на место внезапно, резко, едва уловимо взглядом.

Солнца они не боялись совершенно, даже шляп и панамок не надевали, носили серебряные украшения и явно прекрасно относились к дереву. Но все равно немного напоминали вампиров из фантастических книг моего мира.

Цветом кожи – бледным, порой даже с нездоровым, зеленоватым оттенком, клыками, хотя у велфов их было не четыре, как у нежити, а целых восемь.

И, пожалуй, полным внешним безразличием ко всему вокруг.

Но людей по пути все равно попадалось несравнимо больше. Не такие «правильные», как лемы, не такие мускулистые и грациозные, как коты, не такие необычные, приметные, как велфы, они все же не выглядели серой массой.

Скорее наоборот – именно люди отличались друг от друга намного больше, чем остальные расы. Высокие и низкие, невзрачные и привлекательные, безвкусно одетые и элегантные, смуглые, бледные и бронзовые они очень выделялись в толпе.

У кого-то на руке сверкали золотые полоски, у других их не было видно вовсе – наверное, перенесли на другие части тела. Как и Вира.

У одной очень высокой, тонкой как тростинка лемы, с темно-фиолетовыми глазами, полоски опоясывали шею, как колье. А руки девушки от плеч до запястий покрывали черные татуировки в виде тончайших узоров и завитков.

У кота с бронзовой кожей, сплошь усыпанной веснушками, «энергоденьги» сверкали на икре.

– Слушай... а как вообще начисляются эти деньги? Ими можно пользоваться, если все тело... забетонировано? – полушутливо-полусерьезно поинтересовалась я.

Вира даже чуть притормозила, окатила очередным пораженным взглядом.

– Вот это методы в вашем мире! Даже странно, что наши преступники туда так массово побежали... – хмыкнула она. – Не переживай... Начисляются с помощью какой-то машины. Она дает нужное количество энергии. Кстати! Совсем забыла! С помощью этой же энергии можно подпитать посевы, чтобы быстрее выросли, залечить несложные травмы, заставить работать технику с закончившимся аккумулятором. И не концентрируйся ты на полосках! Это видимость, не больше чем обозначение. Чтобы мы знали – сколько энергии в заглазнике. Сами деньги привязаны к ауре. И чем она сильнее, тем легче управлять средствами. Некоторые делают это на одной лишь силе воли, даже не приближаясь к платежным автоматам. Тут кому как повезет. Надо просто научиться. Можно перевести деньги взглядом, силой мысли...

За разговором мы с Вирой отмотали приличное расстояние, и я вдруг поняла – что еще не так в этом чудном городе. Здесь было все: уютные деревянные скамейки для утомленных пешеходов, ажурные фонари, похожие на распускающиеся цветы, диковинный полупрозрачный асфальт, сине-зеленая мостовая, киоски, магазины, торговые центры, жилые дома. Но... совсем не было транспорта. Никакого. Ни пресловутых фантастических флаеров, ни громоздких ярких автобусов, ни ярких машин, ни заметных издалека станций метро. Неужели тут передвигаются только на своих двоих? А если понадобится наведаться в другой конец города? Шагаешь, пока не рухнешь от усталости?

Ну ладно, местные нелюди. Особенно стожильные велфы. Они, наверняка, пройдут весь мир-карман и даже не запыхаются. А люди как выходят из положения?

– Ты чего? – потормошила меня за руку Вира.

– А общественного, личного транспорта у вас вообще нет? – спросила я.

– Устала? – озадачилась Вира. – Мы ведь гуляем. Я, думала, пойдем сами...

– Да нет же! Просто не понимаю... а вдруг потребуются добраться до окраины города?

– Не переживай, – улыбнулась Вира. – У нас есть транспорт. Идем, покажу.

И не успела согласиться, спутница затянула меня в темно-зеленое здание, с надписью «Торговый центр».

Внутри он мало чем отличался от тех, где я закупалась в родном мире.

Вдоль стен тянулись прозрачные витрины бутиков с разноцветными манекенами – с головами и без. По центру просторного холла выстроились резные металлические скамейки с деревянными сиденьями, десятки кафешек предлагали десерты, еду и напитки на любой вкус и кошелек.

Мимо нас то и дело проносились запахи сдобы, горячих бутербродов, пирожных, алкогольных коктейлей и соков.

Целеустремленная Вира почти протащила меня вперед, и мы за считанные минуты пересекли половину первого этажа, притормозив возле толстого серебристого столба. Он был не меньше десяти метров в диаметре, пронзал пол и потолок и наверняка уходил под крышу и в подвал.

Только мы приблизились, совершенно гладкая поверхность столба заколебалась, и превратилась в двери. Те в свою очередь распахнулись, и мы вошли в кабинку, похожую на круглый вагон поезда.

Здесь пахло смородиновыми листьями и мелиссой. У стен раскинулись мягкие светло-зеленые диваны, в центре выстроились рядами травяного цвета кресла.

На одном из диванов дремал смуглый черноволосый кот, в растянутой серой футболке и вытертых синих джинсах. Чуть поодаль, лежала и читала книгу в яркой глянцевой обложке лема с персиковой кожей и длинным белым хвостом, почти достаемым до пола.

На ближайшем к нам кресле сидела полнокровная женщина с простым, но приятным лицом, туго затянутая в желтое платье до колен. Ага, человек. Через три кресла от нее выпрямился, словно по стойке смирно мужчина, тоже человек. Квадратное лицо, темно-каштановый ершик, подтянутая фигура и выправка выдавали в нем военного. Штаны цвета хаки с множеством карманов и болотного цвета футболка усиливали впечатление.

– Какая первая остановка? – спросила Вира.

– Краина Наисса, – прозвенел хрустальным колокольчиком голос лемы.

– Мы туда и обратно, – заявила Вира и под перекрестными взглядами пассажиров – потрясенными до глубины души – невозмутимо села на ближайший диванчик, потянув меня следом.

Двери закрылись, и мы словно зависли в пространстве. Я не ощущала ни движения, ни полета. Лифт не трясся, не устремился вверх, не ухнул вниз. Казалось, он даже не шелохнется.

Спутники занялись каждый своим делом. Лема погрузилась в чтение, полнокровная женщина – в раздумья, военный изучал какой-то чертеж на большом, заламинированном листе бумаги.

– Что это за транспорт? – шепотом спросила я у Виры.

Она улыбнулась, подмигнула и нажала кнопку на подлокотнике дивана.

Между нами и остальными пассажирами словно выросла прозрачная стена от пола до потолка. Материал ее не походил ни на стекло, ни на пластик. Скорее на какую-то текучую субстанцию, которая почему-то удерживала форму, но продолжала ежесекундно меняться и струиться.

– Теперь нас никто не услышит, хоть ори во всю глотку, – сообщила Вира. – Это что-то вроде местного телепорта. Мгновенно из точки в точку он не перемещается. Но путешествует сквозь весь мир-карман. Остановки распределяются согласно мысленным требованиям пассажиров. Транспорт работает на уже знакомой тебе энергии. Считывает из ауры – кому и куда надо, и объезжает эти места. Причем, заметь! Расстояния, которые доисторические самолеты-вертолеты преодолевали сутками, лифт-телепорт отматывает за часы. Скоро увидишь...

И я увидела.

Часы ждать не пришлось. Миновало минут пятнадцать, не больше – и двери бесшумно распахнулись. Перед нами раскинулось что-то вроде коттеджного поселка или небольшой, но зажиточной деревеньки. С одной стороны ее огибала пышная рощица кустистых лиственных деревьев, с другой – окаймляла широкая лента бурной реки.

В городе, откуда мы прибыли, ярко светило солнце и ощутимо нагнеталась дневная духота. Здесь же вовсю накрапывал мелкий дождик. Он весело барабанил по черепичным крышам одноэтажных каменных домиков всех цветов радуги, отстукивал нестройный ритм по высоким, каменным же оврагам.

Порыв ветра занес в кабинку, если ее можно так называть, шум капли, запах сырости, и далекие птичьи трели. Лема провела рукой над головой, словно создавала невидимую преграду и вышла наружу. Как я и подумала – незримый зонтик охранял ее от прямых капель.

Двери закрылись, и мы бесшумно поехали дальше.

За считанные пару часов мы с Вирой побывали на трех окраинах. Двух похожих на эту, как сестры, и одну, застроенную целым лесом черных цилиндрических небоскребов. Строгих и одинаковых, словно сделанных под копирку. Мало того, в промежутках между дальними окраинами даже не города, как выяснилось, а всего мира-кармана, лифт притормаживал в разных городах и поселках. Двери распахивались возле жилых многоэтажек и ресторанов, внутри торговых центров и офисных зданий.

Одни пассажиры выходили, другие садились.

К концу путешествия, напротив нас с Вирой устроились два высоких, жилистых велфа. Хищного вида брюнет с острым, крючковатым носом и миловидный шатен с пушистыми длинными ресницами беззастенчиво разглядывали нас и перемигивались.

На диванах дремали пять человек. Валетом спали два самых обыкновенных, ничем не примечательных парня. Прислонившись друг к другу, посапывали три девушки. Худенькая, с острыми ключицами и тонкими, длинными пальцами приоткрыла рот и сглатывала во сне. Похрапывала полная, с носом картошкой и россыпью веснушек повсюду, даже на пышной груди, которую совсем не скрывал ярко-красный сарафан на тонких бретельках. Отключилась на ее мягком плече неприметная блондинка с бесцветными бровями и ресницами.

На дальнем диване по-турецки расположились два кота с темно-каштановыми вихрами и кошка, похожая на них как сестра.

Чуть ближе жарко обсуждала что-то парочка лемов, накрытая таким же непроницаемым для звуков куполом, как и наш с Вирой.

Платиновый блондин, с изумрудом-гвоздиком в ухе, в расшитой кружевами белой рубашке активно жестикулировал. Девушка с чуть вздернутым, но все равно идеальным носом и золотисто-русыми волосами до самых колен, кивала ему, а затем перебивала и начинала что-то яростно доказывать.

Когда двери открылись в очередной раз, я увидела знакомый уже торговый центр. Вира резво вскочила, текучий купол исчез, и мы покинули телепорт.

– Понравилось? – спросила спутница.

– Необычно, – только и смогла выдохнуть я, растерянная и сметенная ворохом впечатлений.

В моем мире о таком транспорте можно было лишь мечтать.

Глава 5

После долгого путешествия мы с Вирой, не сговариваясь, направились в кафе.

Небольшое заведение за светло-зелеными стенами, неподалеку от лифта, обещало уединение от сумасшедших толп покупателей и вкусную еду.

Запахи свежей выпечки с корицей и ванилью, курицы-гриль и запеченных груш заставили желудок урчать и сжиматься.

За стеклянными дверями выстроились черные столики, разделенные друг от друга высокими спинками темно-коричневых диванов. Посетителей было много, но свободные места еще оставались.

Я расположилась за ближайшим незанятым столиком. Как и предполагала, спинки диванов ограждали нас от чужих взглядов, а соседей – от приступа нашего любопытства. По центру столешницы была выбита и густо покрыта серебряной краской большая чашка кофе. Рядом высился уже самый настоящий серебристый стакан с тугими кулками красных салфеток.

Официантка-велфийка с лицом в форме сердечка и забранными в высокий хвост темно-каштановыми волосами, мгновенно очутилась рядом.

Положила перед каждой из нас раскрытое меню и спросила:

– Закажете сразу или подумаете?

– Подумаем, – ответила Вира, пока я разглядывала рисунки блюд, потому что названия их ровным счетом ничего не говорили и, похоже, не переводились на мой язык.

Вира заметила мои трудности. Недолго полистала меню и подозвала официантку ненавязчивым жестом, очень похожим на тот, какими распорядился у себя в заведении Тал. Велфийка появилась у столика в мгновение ока. Спутница быстро продиктовала названия блюд и вскоре перед нами дымились тарелки с чем-то вроде мясного рагу и солянкой.

Еда оказалась на удивление ароматной, вкусной, почти домашней. Как только наши с Вирой тарелки опустели, официантка принесла большой чайник с ягодным чаем и счет.

Мы быстро прикончили кисловатый напиток и, проигнорировав коричневые корочки с чеком внутри, отправились на выход.

У прозрачных дверей «дежурил» красный автомат, похожий на те, которыми изобиливали торговые центры моего родного мира. На сером табло висела одна-единственная надпись: «Оплатить».

Вира закатала штанину, и на икре ее блеснули с десяток золотых полосок. На долю секунды я растерялась. Неужели барменша задерет ногу к табло. Но ничего такого не случилось. Метки на икре Виры мерцали, заструились как жидкий металл, половина одной исчезла, и спутница решительно вывела меня в холл торгового центра.

– Хочу научиться расплачиваться, – тут же заявила я.

Вира коротко кивнула:

– Конечно-конечно. Мы сейчас еще по магазинам пробежимся. Только недолго. Вечереет. Клуб откроется через четыре часа, – она ткнула пальцем в шестиугольник бежевых ходиков, над дверями кафе. Они показывали четыре. – Мы должны быть на рабочих местах за десять минут до официального открытия.

– Слушай! – вдруг вспомнилось мне. – А почему мы не платили за транспорт?

– Не переживай, – улыбнулась Вира. – Транспорт у нас бесплатный. Оплачивается с налогов. С каждой зарплаты государство снимает немного энергии и питает лифты.

– Здорово! – восхитилась я. У нас-то именно дорога отнимала уйму средств, и стоила порой больше, чем две недели отпуска на самом феешенбельном курорте мира.

Вира согласно кивнула и принялась азартно преподавать мне уроки ускоренного шопинга в новом мире.

Еще никогда я не мерила, не решала и не покупала с такой скоростью, и не подбирала себе гардероб настолько удачно. Все, что предлагала Вира, сидело идеально, гармонировало с цветом волос и глаз, замечательно подчеркивало достоинства фигуры.

Сама барменша обзавелась очередными наборами кожаных корсетов, брюк и лакированных сапог на шпильках. По большей части темных оттенков – серых, синих, коричневых.

Кажется, ничего другого она не носила в принципе.

В некоторых бутиках Виру узнавали, и даже кланялись. Лемы, люди, коты и велфы относились к ней с одинаковым уважением, но без ложного заискивания. На меня спутница тоже производила все более приятное впечатление.

Оплачивать покупки оказалось проще простого. Я представляла, что нужные средства «перетекают» в автомат, и все получалось само собой.

Табло высвечивало сумму оплаты, вежливо благодарило за перечисленные деньги и непременно желало дальнейших удачных покупок.

Через три часа мы, беззаботно щебеча о мужчинах, вечеринках и прочей женской дребедени вышли из торгового центра и отправились назад, к ночному клубу. Несколько пакетов в руках напоминали о том, что теперь мне не придется рыскать в гардеробе в поисках чего-то подходящего.

Во время шоппинга выяснилось, что чудо-вещи из моей квартиры меняли размер – не сильно, на один или два в обе стороны. Минусом было то, что они делали это за счет энергии владельца. Примерив одну-две обновки, я не почувствовала бы изменений. Но после шести-семи появилась бы легкая усталость. Десять-двадцать – и переутомление гарантировано.

Вот почему в обычной жизни аборигены таких вещей не носили.

На середине обратного пути Вира, впервые за нашу приятную прогулку, допустила ошибку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.